

РОБЕРТ БИТТИ

СЕРАФИНА

и РАСКОЛОТОЕ СЕРДЦЕ

Роберт Битти
Серафина и расколотое сердце
Серия «Приключения
Серафины», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31188685

*Серафина и расколотое сердце : [роман] / Роберт Битти ; [пер. с англ.
М. Торчинской].: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-106037-4*

Аннотация

Таинственная угроза надвигается на Билтмор...

Неизвестная сила вызывает жестокие ураганы, что сметают всё на своем пути. Серафина, очнувшись в полной темноте, должна узнать правду о том, что с ней случилось. И, пока не станет слишком поздно, научиться управлять своими новыми силами. У нее так мало времени, а совершить предстоит невозможное.

Серафина старается вновь стать защитницей Билтмора, другом Брэдена, дочерью папаши и героиней Синих гор, а также всех людей и созданий, которые зовут это место своим домом.

Впервые на русском языке третья книга серии бестселлеров Роберта Битти о приключениях юной Серафины.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	24
Глава 6	31
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	55
Глава 10	60
Глава 11	66
Глава 12	71
Глава 13	80
Глава 14	86
Глава 15	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Роберт Битти Серафина и расколотое сердце

Robert Beatty

Serafina and the Splintered Heart

Перевод с английского *Марии Торчинской*

Оформление обложки *Александра Шпакова*

SERAFINA AND THE SPLINTERED HEART by Robert Beatty. Copyright @ 2017 by Robert Beatty. By arrangement with the author. All rights reserved.

© М. Торчинская, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Поместье Билтмор

Эшвилл, Северная Каролина

Глава 1

Серафина подняла веки и не увидела ничего, кроме черноты. Как будто она вообще не открывала глаза. Из темной воронки сна ее вырвал чей-то приглушенный голос, но, проснувшись, она уже не услышала ни голоса, ни звука, ни движения.

Обычно ее кошачьи глаза отлично видели даже в самой непроглядной тьме, но тут она словно ослепла. Серафина попыталась уловить хоть какой-то, пусть самый слабый, свет, но не увидела ни лунного сияния, льющегося через окно, ни мерцания фонаря в конце коридора.

Сплошная чернота.

Она закрыла глаза и снова открыла их. Ничего не изменилось. Такая же тьма.

«Неужели я и правда ослепла?»

Совершенно сбитая с толку, Серафина попыталась вслушаться в темноту, как делала всегда, когда охотилась на крыс в подвальных коридорах Билтморского особняка. Но она не услышала ни скрипа полов, ни слуг в дальних комнатах, ни отца, похрапывающего рядом на лежанке, ни шума работающих механизмов, ни стука часов, ни шагов. Было холодно и тихо, так тихо и спокойно, как еще никогда не бывало. Она находилась не в Билтморе.

Тут Серафина вспомнила, что ее разбудил какой-то голос,

и снова напрягла слух, но ничего не уловила, и даже непонятно было, существовал этот голос во сне или в реальности.

«Где я? – растерянно спросила себя Серафина. – Как я здесь очутилась?»

И ответом на ее вопрос пришел звук.

Тук-тук.

И больше ничего.

Тук-тук, тук-тук.

Стук ее сердца, биение ее пульса.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Серафина медленно провела языком по сухим, растрескавшимся губам и почувствовала во рту привкус металла. Нет, не металла. Крови, ее собственной крови, текущей у нее по венам и каким-то образом оказавшейся на губах и на языке.

Она хотела откашляться, но вместо этого вдруг яростно вдохнула, втянула в себя огромный глоток воздуха, словно это был самый первый ее вдох. Кровь заструилась по венам, а руки, и ноги, и все тело закололо мелкими иголочками.

«Что происходит? – подумала она. – Что со мной случилось? Почему я так странно просыпаюсь?»

К ней постепенно возвращались воспоминания о собственной жизни. Она жила с отцом в мастерской, она вместе со своим другом Брэденом сражалась с черным плащом и посохом-оборотнем. Она получила возможность подняться из подвала в роскошные светлые комнаты и влиться в днев-

ную жизнь, которую вели господа.

Серафина попробовала вспомнить, что же случилось дальше, но это было все равно что восстанавливать в памяти яркий сон, который тает, едва откроешь глаза. Она чувствовала себя растерянной и сбитой с толку, потому что никак не могла ухватить и собрать воедино обрывки воспоминаний о собственной жизни.

Она еще ни разу не шевельнулась, но уже чувствовала, что лежит на длинной, плоской поверхности. Ее ноги были вытянуты, руки аккуратно сложены на груди, словно кто-то специально уложил их так – бережно и почтительно.

Серафина медленно разъединила кисти и положила их вдоль тела, чтобы ощупать поверхность, на которой лежала.

Поверхность была жесткая, похожая на необструганные деревянные доски, только очень холодные. «Доски не должны быть ледяными, – подумала Серафина. – Они другие, они не такие холодные».

Сердце заколотилось у нее в груди. Ее охватил отчаянный страх.

Серафина хотела сесть, но тут же ударилась лбом обо что-то твердое, всего в нескольких сантиметрах от ее головы, и снова повалилась на спину, морщась от боли.

Она прижала ладони к нависшим над ней доскам. Сейчас лишь чуткие пальцы могли послужить ей глазами. Но доски были сплошными, без трещин и разъемов. Ладони тут же взмокли, дыхание сделалось коротким и прерывистым. Изо-

гнувшись, она рванулась вбок, но там тоже были только доски, почти вплотную к телу. Ее захлестнул ужас. Она забила ногами, заколотила кулаками. Но доски окружали ее, смыкались со всех сторон.

Серафина застонала от отчаяния, страха, гнева. Она царапалась и билась, она выкручивалась и рвалась, но вырваться не могла. Она была заперта в длинном, плоском деревянном ящике.

Тогда она прижала лицо к самому углу ящика и стала нюхать, как зверек, попавший в западню, надеясь сквозь трещины и щели почуять запахи внешнего мира. Она принюхалась в одном углу, потом в другом, но запах вокруг нее был одинаковым.

«Земля, – поняла она. – Со всех сторон сырая, гниющая почва. Меня похоронили заживо!»

Глава 2

Серафина лежала в холодном черном гробу под землей. Она почти не могла думать от страха.

«Я должна выбраться отсюда! – билась в голове одна-единственная мысль. – Мне надо дышать! Я не умерла!»

Но она ничего не видела, не могла пошевелиться, не слышала ни звука, кроме собственного прерывистого дыхания. Надолго ли ей хватит воздуха? Ее легкие разрывались, грудную клетку сжимало, как в тисках. Она хотела к своему папаше! Она хотела, чтобы мама пришла и раскопала ее! Должен же кто-то ее спасти!

Она прижала ладони к крышке гроба над своей головой и толкнула изо всех сил, но приподнять не смогла. От собственного визга в этом кошмарном, черном, тесном пространстве у нее заложило уши.

Потом она вспомнила отца. Что бы он сказал, окажись рядом с ней? «Соберись с мозгами, девочка. Соображай, что надо делать, и делай это».

Серафина снова вдохнула столько воздуха, сколько смогла, и попыталась успокоиться и начать думать. Да, ее глаза ничего не видели, но она могла ощупать пальцами юбку и рукава своего платья. Они были сильно изорваны. Предположим, она умерла и ее похоронили. Но тогда ее должны были переодеть в чистое, не рваное платье. Значит, те, кто ее хоро-

нили, очень торопились. И поэтому приняли ее за мертвую? Или, может быть, хотели, чтобы она умерла самой страшной из смертей?

В этот момент Серафина почувствовала слабое, приглушенное движение над собой. В сердце ее вспыхнула надежда. Шаги!

– Помогите! – закричала она изо всех сил. – Спасите меня! Пожалуйста, помогите!

Она кричала и кричала. Она лупила кулаками по древесине над своей головой. Она била ногами. Но шаги стали удаляться, потом совсем пропали, а потом наступила глубокая тишина, и Серафине уже трудно было поверить, что она вообще слышала какие-то звуки.

Кто это был? Человек, похоронивший ее? Он что, бросил на ее могилу последнюю горсть земли и ушел? А может, это был обычный прохожий, который даже не догадывался, что здесь совсем недавно кого-то похоронили?

– Пожалуйста! Мне нужна ваша помощь! Я здесь, внизу! Бесполезно. Она снова была одна.

На нее волной накатило отчаяние. Ей отсюда не вырваться.

На этот раз ей не выжить...

«Ну уж нет, – тут же подумала Серафина, стискивая зубы. – Я не дам себе здесь умереть. Я не сдамся. Я буду смелой! И найду выход!»

Она немного сползла вниз и ударила ногами в стенку. Дос-

ки показались ей тонкими и хлипкими. Не крепкий солидный гроб, а развалюха, наспех сколоченная из пустых ящиков из-под яблок. Но земля очень плотно прилегалась к стенкам, не давая их разломать.

Тут она кое-что вспомнила.

«Шесть футов под землей». Так сказал отец много лет назад, когда она спросила, куда девают умерших людей. «В этих краях умерших закапывают на шесть футов под землю».

Серафина заерзала в душной темноте, сворачиваясь, как котенок в картонке из-под дамской обуви, а затем легла так, чтобы упереться руками в центр крышки. Шесть футов сплошной земли – очень большая тяжесть. Но отец научил ее, что у доски самое слабое место – середина.

Припомнив отцовские объяснения, она принялась, внимательно прислушиваясь, выстукивать доску над собой.

Тук-тук-тук.

Серафина сдвинула руки чуть ниже и снова застучала.

Тук-тук-тук.

Она стучала, пока не обнаружила место, где звук был более глубокий и звонкий. Значит, здесь земля не так плотно сбита. Вот оно, нужное ей место.

Но что делать дальше? Даже если она сумеет проломить доску, на нее обвалится груда земли, забьет ей рот и нос, так что она задохнется. Нет, так не пойдет...

У нее появилась новая мысль. Она застегнула платье на все пуговицы до самого подбородка, а затем вздернула по-

дол, накрыв им лицо – в первую очередь нос и рот. В гробу было очень тесно и трудно двигаться, но ей все же удалось поднять подол со всех сторон и закрыть им голову, а потом вытянуть руки из рукавов, чтобы их ничто не сковывало. Если повезет, ткань, закрывающая лицо, поможет ей выиграть необходимые несколько секунд.

Понимая, что одними лишь руками ей доски не пробить, Серафина перевернулась на бок и уперлась в середину крышки плечом, потом снова повернулась и, напрягая все тело, приподнялась вверх на руках и ногах. В гробу не хватало места, чтобы полностью встать на четвереньки. Но Серафина свернулась, как пружина, а затем резко распрямилась, напирая на крышку, и снова ударила в нее плечом. Стало понятно, что одного удара, пусть даже сильного, недостаточно. И если просто медленно давить на крышку, это тоже не даст результата. Нужно было бить и бить – с силой, ритмично.

Бам-м, бам-м, бам-м. Длинные доски прогибались под ударами.

«Точно, – сказала она себе, не останавливаясь, – это то, что надо».

Бам-м, бам-м, бам-м.

– Ну же, давай, – прорычала Серафина. И почти сразу услышала, как доска посередине треснула под тяжестью наваленной сверху земли. – Ну, ну!

Она продолжала биться в крышку. Бам-м, бам-м, бам-м. Доска действительно раскалывалась на две части! Что-то хо-

лодное упало на голые плечи. Наверное, следовало радоваться, что все получается, как она задумала, но Серафину охватил страх. Крышка развалилась! Гроб наполнялся землей! Холодные, липкие, тяжелые комья посыпались на нее, погребая под собой. Если бы Серафина не догадалась закрыть лицо подолом, ей бы мгновенно забило рот и нос землей, и она бы уже задохнулась.

Ничего не видя, она хватала на ощупь сыплющиеся сверху комья и откидывала их в углы гроба, стараясь работать с той же скоростью, с какой они падали. Но земля все валилась, и валилась, и валилась, придавливая ноги, плечи, голову. Двигаться становилось все труднее. Девочка лихорадочно вдыхала воздух сквозь ткань платья, ее грудь судорожно вздымалась. Ей не хватало воздуха!

Наконец, когда гроб почти весь засыпало землей, она попыталась выбраться. Просунула голову в пробитое отверстие, со всех сил оттолкнулась ногами и стала отчаянно прорываться на поверхность. Но и земля повалила сплошным потоком и с такой скоростью, что у Серафины не осталось никакой надежды прокопать выход. Девочка продолжала рыть землю, но уже задыхалась под ее тяжестью. Толстый слой почвы всем своим весом обрушился на легкие. Из груди Серафины вырвался последний крик.

Глава 3

Земля сплошным потоком лилась Серафине на голову и плечи, заваливая ее быстрее, чем девочка успевала раскапываться. Она чувствовала, как все сильнее давит на нее почва, как накрывает с головой, прижимает ноги, но продолжала отчаянно отбиваться, отмахиваться, продираться вверх сквозь тьму, хватать воздух ртом, затянутым подолом платья. Но ткань все сильнее натягивалась под весом земли, забивалась в рот, перекрывая доступ кислорода в горящие легкие.

Внезапно Серафина услышала, что над ней кто-то быстро скребется, как будто какое-то животное торопливо раскапывает землю. Она обрадовалась, что это Гидеан, пес Брэдена, пришел на помощь, но тут же услышала низкий рык. Нет, это не Гидеан. Впрочем, неважно. Кто бы это ни был, он разрывал почву мощными когтями, легко расшвыривая ее в стороны. Может быть, медведь учуял ее и вздумал поужинать? Да какая разница! Ей надо выбраться отсюда. Ей надо дышать!

Острые когти скребанули по ее вытянутым рукам. Серафина вскрикнула от боли, но тут же ухватила лапу животного. Поймала! Ну, теперь она ни за что не отцепится! Могучая лапа рванулась, волоча девочку за собой.

Зверь, рыча, задергал лапой, потянул ее на себя, пытаясь освободиться, но Серафина держалась крепко. И вскоре ее голова показалась на поверхности. Девочка жадно глотнула

воздуха, наполняя легкие новой жизнью. Воздух! Она снова могла дышать!

Едва Серафина ослабила хватку, как зверь тотчас отдернул лапу. А девочка забарахталась в земле, вытаскивая на поверхность плечи и руки. У нее получилось! Она выбралась на волю! Но стоило ей скинуть подол платья с лица, как раздалось громкое рычание, и когти полоснули ее по голове в тот самый миг, когда она попыталась увернуться от них. Хватаясь за края ямы, Серафина выскочила из могилы и, встав на четвереньки, приготовилась защищаться.

Она находилась на залитом лунным светом кладбище, сплошь заросшем деревьями, кустами и выющимися растениями. В центре небольшой поляны стоял на пьедестале мраморный ангел, взметнувший крыла. Поляна Ангела. Серафина отлично знала это место, хотя представления не имела, как здесь очутилась. Но сейчас некогда было об этом думать. Сзади что-то зашевелилось, и девочка резко обернулась.

Ее спасительница – черная пантера – готовилась к прыжку. Ее уши были прижаты к голове, морда искажена от ярости. Животное раскрыло пасть и злобно зашипело, обнажая длинные, блестящие клыки и намереваясь вцепиться в девочку.

Глава 4

Разъяренная пантера смотрела на Серафину. В ее ярко-желтых глазах горела ярость, какую редко встретишь даже в диком звере, от взгляда веяло силой. Она оскалила длинные белоснежные клыки и снова зарычала, и тогда Серафина оскалила в ответ зубы и тоже зашипела так яростно, как только могла. К удивлению девочки, зверюга вдруг отвернулась, скользнула в лес и словно растворилась в нем.

Совершенно обессиленная, Серафина повалилась на землю. Она делала длинные, глубокие вдохи, просто радуясь, что жива. «Этой здоровенной кошатине ничего не стоило прихлопнуть меня, как муху, – мелькнула мысль. – Почему же она сбежала, точно какой-нибудь испуганный опоссум?»

Она лежала, восстанавливая силы и одновременно пытаюсь понять, что же произошло. Ее похоронили. Но не просто похоронили, ее закопали на старом заброшенном кладбище, давным-давно заросшем лесом.

Чем больше она размышляла обо всем, тем больше удивлялась. И откуда здесь взялась черная пантера?

Ее мать была оборотнем, женщиной, способной по желанию оборачиваться горной львицей. Сама Серафина пошла в отца: не сразу, но она все-таки научилась превращаться в черную пантеру – редкую разновидность горного льва. Но, согласно местным легендам, на одной территории могла еди-

новременно обитать только одна черная пантера.

Может быть, это ее отец? Но отец погиб в битве двенадцать лет назад в ту самую ночь, когда родилась Серафина. Папаша – человек, который нашел и подобрал ее той же ночью в лесу и который заботился о ней все эти годы, стал для нее единственным настоящим отцом. И потом, эта пантера никак не тянула на взрослого самца. Она выглядела молодой, гибкой, немного неуверенной в себе. Ее сводная сестра или брат? Но они еще совсем малыши в пятнистых шубках. Вайса? Нет, когда ее друг Вайса оборачивался львом, его мех был темно-коричневым. Ладно, предположим, ей только показалось, что пантера – черная, но тогда с чего бы Вайсе убежать от нее?

В голове вертелись сотни вопросов, но постепенно телесные ощущения брали верх над мыслями. Когти пантеры оставили глубокий кровотокающий след у нее на макушке, и все же боль была терпимой, особенно по сравнению с тем, что довелось испытать в гробу. И сейчас Серафине доставлял удовольствие каждый вдох и выдох. Ее кожи ласково касался легкий ветерок, доносящий аромат растущих рядом папоротников и клевера; над головой сияли звезды. И все чувства словно обострились по сравнению с тем, что она ощущала прежде.

Наконец руки и ноги вновь обрели силу, и Серафина стряхнула с себя остатки земли и разгладила свое простое бежевое платье. Только тогда она заметила, что ткань силь-

но порвана, а вокруг дыр расплылись большие темные пятна. Серафина испуганно осмотрела себя сверху донизу и обнаружила, что ее плечи, грудь, руки покрыты засохшей кровью. Но свежих ран не было, только царапины.

Тут к ней стали медленно возвращаться воспоминания о ее жизни. Они прибывали, омывая ее, как полноводная река. Вот они с отцом ужинают в мастерской, а вот они с Брэденом на самой высокой крыше Билтмора считают звезды на полудночном небе. Она, счастливая, мчится в обличье пантеры через лес вместе с матерью и Вайсой. Слушает в библиотеке у камина сказки и разные истории, которые рассказывает мистер Вандербильт; тихонько сидит за утренним чаем рядом с миссис Вандербильт, которая недавно сообщила, что ожидает ребенка.

Потом Серафина вспомнила, как ее подруга Эсси – одна из билтморских служанок – помогает ей зашнуровать золотистое платье, подаренное Брэденом к Рождественскому балу. Серафина смотрелась в зеркало, висевшее в комнатке Эсси, и видела перед собой двенадцатилетнюю девочку с резко выступающими кошачьими скулами, янтарно-желтыми глазами и длинными, блестящими черными волосами. Серафина тогда впервые подумала, что выглядит совсем неплохо.

А новогодний праздник? Она так четко вспомнила мягкое сияние свечей, запах горящего дерева в камине, улыбку на лице папаши, теплую руку Брэдена на своей спине, когда они вместе вошли в зал. Это был миг спокойного торжества,

не только потому, что они с Брэденом одолели всех врагов, но и потому, что она, Серафина, как ей тогда казалось, наконец-то нашла свое место в жизни.

А потом ее последняя ночь в Билтморе. Воспоминания были обрывочными. Зимний вечер, она обходит дом... Она страж, охраняет жителей от недобрых духов и прочих опасностей. Все уже спят, и коридоры и переходы в доме принадлежат сейчас только Серафине. Она любит такие мгновения. Она выходит на просторный балкон, стилизованный под задний дворик, который Вандербильты называют лоджией. Прикрывающие дверь шторы трепещут на холодном зимнем ветру, сияя призрачной белизной в лунном свете. Серафина смотрит вдаль, за границы владения Вандербильтов, на темнеющий лес и высокие горы, над которыми поднималась полная луна.

В доме стояла тишина, но Серафина вдруг уловила странное движение воздуха позади себя. У нее по спине побежали мурашки, волосы на затылке встали дыбом. Сзади кто-то был. Серафина резко обернулась, готовая к бою, но вместо стен и окон дома увидела лишь накатывающую волну тьмы.

Что-то яростно ударило ей в грудь, отдалось безумной болью по всему телу. Вокруг закручивался черный вихрь. Все мысли перемешались, она отчаянно отбивалась когтями и зубами, шипела и кусалась. Повсюду алела кровь.

Тут в глазах у нее потемнело, и на этом воспоминания оборвались.

Сейчас Серафина стояла, освещенная луной, возле собственной могилы посреди поляны Ангела и осматривалась. Она была так далеко от дома! И надо же было выбраться из могилы именно в этом странном, таинственном месте! Свежая земля была испещрена следами человеческих ног и, похоже, отпечатками лопаты. Никакого могильного камня, только горка земли. Кажется, тот, кто хоронил Серафину, не очень хотел, чтобы ее нашли. Может быть, ее убили, а потом попытались спрятать тело?

Девочка подняла голову к каменному Ангелу:

– Скажи, что ты видел прошлой ночью?

Но Ангел не ответил. Он стоял на своем каменном возвышении, немой и неподвижный, как всегда. Ангел был очень старый и потертый, местами покрывшийся темным мхом и зеленой патиной. У него были длинные, вьющиеся волосы и прекрасное лицо; темные потеки на щеках напоминали струящиеся слезы. Серафине казалось, что лицо Ангела исполнено мудрости и тайного знания, словно ему известна судьба тех, кого он любил, и он скорбит о них. За спиной Ангела возвышались могучие оперенные крылья, а в руке он сжимал длинный и острый стальной меч. С помощью этого меча Серафина искромсала и уничтожила черный плащ.

Ангел возвышался посреди маленькой поляны, поросшей яркой изумрудной травой. Деревья и кусты, окружающие поляну, круглый год оставались зелеными. Они никогда не блекли на солнце, не желтели осенью, не осыпались к зиме.

На поляне Ангела всегда стояла весна.

К северу от поляны продолжалось старинное кладбище, давным-давно отвоеванное лесом у людей. Он оплел могильные камни гибкими ветвями, покрыл мхами, свисающими с почерневших от старости кривых сучьев. Кладбище тянулось и тянулось, глазам Серафины открывались бесконечные ряды покосившихся, опрокинутых, ушедших в землю надгробий, отмечающих места упокоения сотен мертвых, гниющих тел и потерянных душ. Среди могил беззвучно скользили серые клочья тумана, словно искали и никак не могли найти, где бы им прилечь отдохнуть. Серафина настороженно огляделась – нет ли где движения. Хотелось верить, что она – единственное существо, выбравшееся сегодня из могилы.

– Вы уж простите, что так быстро вас покидаю, но, оказывается, я просто заглянула в гости ненадолго, – проговорила наконец девочка.

Затем, обойдя Ангела, она углубилась в лес, который был ей хорошо знаком. Деревья сразу напомнили Серафине о ее матери-горнольвице. Девочка столько у нее научилась. Они вместе носились по лесу, вместе охотились. Серафина узнавала о повадках ночных птиц и животных. Странно, что мать не учуяла ее и не пришла на помощь, как раньше.

Тут Серафина вдруг поняла, что папаша ее тоже не отыскал. И Брэден не нашел. Ее не нашел никто. Она была совершенно одна.

Представив, что могло случиться со всеми, кто ей дорог, Серафина снова почувствовала страх, и сердце тяжело заныло у нее в груди. Она не знала, что за создание на нее напало, как долго ее не было дома. Интересно, что скажут обитатели Билтмора, когда она заявится, покрытая могильной землей? И что скажет она, – что будет с ней, – если окажется, что дома больше никого нет, если там остались только тени.

Охваченная тревогой, Серафина торопливо зашагала по лесной тропе, ведущей в Билтмор. Домой, скорее домой.

Глава 5

Серафина бежала по тропе через темный лес, через овраг, заросший древними кленами и болиголовом. Она чувствовала себя окрепшей и легко огибала могучие стволы самых старых обитателей леса.

В ушах ее звенело от пения древесных лягушек и квакш, от гудения насекомых, нос улавливал ароматы примул и луноцветов. Весь день ночные цветы спали, крепко сомкнув лепестки, но зато сейчас раскрылись и заблагоухали. Все вокруг казалось Серафине особенно ярким и живым, как будто она впервые открывала для себя новые чувства и ощущения.

Начались заросли рододендронов, светящихся в серебристом свете луны. Бражники зависали над белыми и розовыми цветами, ныряли в их глубину, тянули из чашечек нектар. Серафине казалось, что она слышит, как ударяют о воздух крылья ночных бабочек.

Над блестящими листьями лавра парили во тьме светляки. В небе среди серебряных облаков мягко вспыхивали зарницы, и откуда-то издалека ветерок доносил чуть слышные раскаты грома.

«Все как-то странно», – сказала себе Серафина, с недоумением оглядываясь вокруг. В ту последнюю ночь, которую она помнила, стояла зима, а сейчас воздух был удивительно теплым. И все эти растения и животные зимой спа-

ли. Неужели волшебство поляны Ангела распространилось на весь остальной лес?

Девочка снова посмотрела на луну и резко остановилась. Луна была еще не совсем полной, но большой и яркой, светящейся справа и затемненной слева.

Но так не должно быть! Серафина наморщила лоб. Когда она стояла на лоджии, луна была полной. Значит, то, что она видит сейчас, невозможно.

Серафина отлично знала, что полнолуние бывает только раз в месяц, затем в течение четырнадцати дней луна убывает, при этом светится ее левый бок, а правый бок все усыхает и усыхает, пока в одну из ночей не наступит полная темнота. После этого четырнадцать ночей луна прибывает с правой стороны до самого полнолуния. А потом все повторяется.

Для Серафины луна была огромным, висящим в небе календарем, по которому она отслеживала ночи своей жизни, когда в одиночестве обходила Билтморское поместье. Вечно повторяющиеся фазы ее бледной приятельницы, медленное передвижение по небосводу сверкающих звезд и пяти самых ярких планет были привычными и неизменными всегда, сколько Серафина себя помнила. Обитатели неба были ее ночными братьями и предрассветными сестрами. Она разговаривала с ними и училась у них, как у членов собственной семьи, которых постоянно видела рядом.

Но сейчас Серафина в полной растерянности смотрела на сестрицу луну. В висках у нее стучало от волнения, пока она

пыталась понять, что же произошло. Луна светила справа – значит, она прибывала с каждым днем. Но прошлой ночью луна уже была полной! Куда же ей расти дальше?

Но и Серафина не могла очутиться в прошлом, накануне полнолуния! Или же... хотя поверить в это так же трудно, она пробыла под землей дольше, чем длится фаза луны.

«Выходит, с той ночи прошло двадцать восемь ночей, а может, и больше...» – изумленно сказала себе Серафина.

Ветер зашелестел в верхушках деревьев, словно лесные духи взволнованно зашептали друг другу, что девочке удалось раскрыть хитрость вселенной. Время летело вперед. Время летело вспять. Все было не тем, что казалось. Людей хоронили глубоко под землей, а они возвращались обратно. Серафина попала в мир, где возможно все.

Небо осветилось от вспыхнувших одна за другой зарниц. Они безмолвно заплясали среди облаков, а потом с гор скатился далекий гром.

Серафина всегда умела видеть то, что недоступно другим людям, особенно ночью, но сегодня лес казался ей еще более волшебным, чем обычно. Она видела, как ночные цветы раскрывают лепестки навстречу луне, как мерцает свет звезд на прозрачных крылышках насекомых. Она ощущала, как ветер нежно скользит меж ветвей деревьев, закручивается вокруг ее тела, касается ее кожи. Она чувствовала твердость земли и камней, на которых стояла. Капли вечерней росы на листьях клевера вдруг ярко сверкнули, а мгновением позже в

ее зрачках вспыхнул свет зарницы. Вода, земля, свет, небо... Она словно стала частицей основных элементов, из которых был сложен мир, она двигалась и дышала в едином ритме с ночью; слилась с ней, как никогда еще не сливалась.

Серафина зашагала дальше, но вдруг заметила впереди меж деревьев пятно тьмы. Девочка озадаченно склонила голову набок. Что это? Тень? Непонятно. Она сощурила глаза и вдруг поняла, что тьма движется. Не к ней, не от нее, она просто покачивалась в воздухе черной волной.

У Серафины по телу пробежали мурашки. А вдруг эта волна как-то связана с той темнотой, что накрыла ее в Билтморе?

Девочка понимала, что лучше ей уйти подальше от этого места, но любопытство, как всегда, потянуло ее поближе. Остановившись в дюжине шагов от тьмы, Серафина принялась ее разглядывать. Тьма был примерно пяти футов длиной, она парила над землей, как длинный вымпел на ветру. И она была черной – чернее не бывает.

Внезапно между деревьев задул ветер. Порывом подняло с земли и закрутило вокруг девочки сухие листья. Ветви над ее головой начали гнуться и скрипеть, как искривленные руки стариков, самые слабые посыпались ей на голову и плечи. Мелкими брызгами окатило лицо, и только тогда Серафина сообразила, что гроза уже совсем рядом. И почти сразу увидела темную фигуру, которая двигалась между деревьями в ее сторону.

Едва не поперхнувшись от неожиданности, Серафина мгновенно приникла к земле, подползла к наполовину поваленному дереву и скользнула в ямку, образованную вырванными из земли корнями. Вжавшись как можно глубже во впадинку, она осторожно посмотрела наружу сквозь сеть переплетенных корней.

Человек, существо или еще что-то шло к ней не спеша, как хищник, вынюхивающий добычу. Оно передвигалось на двух длинных неуклюжих ногах, сильно сутулясь и свесив голову. Его плечи медленно поворачивались то в одну, то в другую сторону, когда оно оглядывалось по сторонам. Даже сгорбленное, существо было очень высоким, с длинными крючковатыми руками, которые болтались перед ним, как у богомола. Вытянутые вперед пальцы на вращающихся кистях напоминали белые чешуйчатые когти с острыми, загнутыми концами. Существо уверенно двигалось к цели, загребая ногами палую листву и поскрипывая костями, как старое дерево – ветвями.

«А это что еще за жуть? – Серафина еще глубже забилась под корни. – Злобный мертвяк, который выполз из могилы так же, как и я?»

Существо приближалось. Когда оно очутилось совсем рядом, Серафина не смогла сдержать дрожь. Оставалось только надеяться, что оно не заметит девочку под корнями почти у самых своих ног.

Существо было так близко, что Серафина слышала его

дыхание – рваный, шипящий, сипящий звук, как у раненого зверя. Тело его окутывала белесая дымка, как дымок угасающего костра; с головы свисали редкие серые пряди, напоминающие остатки волос на полусгнившем трупе. Наконец существо повернуло голову, и Серафина неслышно охнула. Его лицо пересекала надвое страшная незаживающая рана, из которой медленно струилась черная гнилая кровь. Невозможно было понять, кто это – живое существо, или адское создание, или некая помесь того и другого. Но оно мелко стучало острыми, словно заточенными на концах, зубами и мотало головой, с нетерпением осматривая лес и помахивая когтистыми лапами.

Серафина уже думала, что существо проковыляет мимо, но оно вдруг остановилось прямо перед девочкой. Острые когти ухватились за торчащий корень поваленного дерева, под которым она пряталась. Серафина в ужасе замерла, не смея ни вдохнуть, ни выдохнуть. Существо посмотрело в одну сторону, потом – в другую. Оно словно чувствовало, может быть, нюхом чуяло, что его жертва где-то здесь, но точное место определить не могло. Серафина окаменела, как зайчишка в норке.

Существо разинуло пасть и издало низкий, вибрирующий, гортанный звук. Серафина увидела белый пар, повалившийся из пасти. Это был не выдох и не крик; это был ураган. Воздух вокруг девочки закрутился воронкой, срывая листья и ломая ветки. Ливанул дождь. Ужасный звук, который изда-

вало существо, становился все громче и громче, а ураган все усиливался.

Тварь наклонилась и заглянула под корни, где пряталась Серафима. Светящиеся серебряные глаза уставились прямо на девочку, окатив ее ледяным ужасом. Когти сжались в кулак и рванули зажатые в них корни. После этого существо принялось, громко стуча зубами, с яростью выдирать растительность, за которой съежилась девочка.

Глава 6

Когда тварь принялась подкапывать корни, Серафина попыталась обернуться пантерой, чтобы защитить себя. Но у нее ничего не вышло. По какой-то дурацкой причине превращения не получилось.

Она старательно представила себя пантерой и попробовала снова, и опять не получилось. Серафина осталась человеком.

Не зная, что еще предпринять, девочка попыталась спрятаться. Она отодвинулась как можно дальше от корней, которые выдирало существо. Может быть, выскочить и кинуться на него как есть, с пустыми руками? Но существо было слишком могущественным... В самый последний момент, когда когти уже коснулись ее, Серафина решила – ужом выскользнула меж корней с другой стороны и кинулась бежать.

В лесу поднялась буря. Дождь лил стеной, ветер дул с такой силой, что волосы и одежда облепили лицо и тело. Кажется, ветер пытается не просто сдуть ее, а разорвать на мелкие клочки.

Но Серафина не хотела поддаваться урагану. Она должна была вырваться! И девочка, не останавливаясь, мчалась сквозь лупящий по ней дождь.

Она оглянулась через плечо, ожидая, что существо гонит-

ся за ней по пятам, что оно вот-вот схватит ее. Но твари не было, она по-прежнему бешено рвала корни, под которыми пряталась Серафина.

Удивленная, но обрадованная тем, что ей удалось спастись, девочка повернулась – и едва не наткнулась на странное черное пятно, похожее на то, которое она уже видела чуть раньше. Серафина резко шарахнулась в сторону, как от ядовитой змеи.

Пятно плавало прямо перед ней, оно было черно до невозможности, до такой степени, что поглощало свет луны и звезд, вбирало в себя все. Дождь падал на черноту и пропадал в ней. Она была подобна прорехе в ткани вселенной.

При виде черной дыры у Серафины все сжалось в груди, иголочками закололо кожу. Она попятилась и нырнула под самый густой куст, какой рос поблизости. Черная дыра поплыла за ней. У девочки перехватило дыхание. Она не могла понять, что движет чернотой – ветер или желание добраться именно до нее, Серафины.

Колеблющееся облако тьмы медленно приближалось. Девочка надеялась, что густая листва укроет ее, но ветки и листья мгновенно вспыхивали и с шипением рассыпались, едва их касалась чернота. Серафина торопливо отползла в глубину кустарника, но тьма успела коснуться ее своим краем. Девочка ощутила безумную боль, как будто по ней рубанули раскаленным добела лезвием. Она пронзительно закричала и рванулась в сторону.

Подгоняемая ужасом и болью, Серафина выкарабкалась из кустов и кинулась бежать. Вдали виднелся каменистый участок, и она бросилась туда. Добежав, увидела, что перед ней глубокий обрыв, и прыгнула вниз, не раздумывая.

Она с силой грянулась о твердую почву и покатилась вниз по земляному склону, ударяясь руками и ногами о встречные камни и древесные стволы. Едва докатившись до самого низа, девочка тут же подскочила на ноги и снова помчалась.

Она бежала сквозь лес, отталкивая ветви, задыхаясь, оглядываясь через плечо, не гонятся ли за ней мертвяки и черные дыры. Постепенно стихли порывы ветра и дождь, остался позади ураган, но она все бежала без остановки.

Наконец Серафина с облегчением увидела лунный свет, струящийся из-за облаков. Дневные люди знали, что солнце встает на востоке и садится на западе, но мало кто задумывался о том, что луна поступает точно так же. Черные тени пролегли между деревьями, подобно стрелкам указывая путь домой. Как только Серафина собралась с мыслями, она сразу сообразила, в какую сторону идти, и заспешила, как могла. Нужно было срочно предупредить обитателей Билтмора обо всем, что она только что видела.

Она прошла совсем немного, как вдруг дорогу ей перегородила река. Серафина растерянно огляделась.

«Вот только не говори, что заблудилась!» – сердито отчитала она себя.

Ей-то казалось, что она уже совсем рядом с домом. Здесь

должен был струиться мелкий ручеек, который можно преодолеть одним прыжком, а вместо него текла полноводная река, быстрая и беспокойная. Она мчалась прямо между деревьями, и берегами ей служили не каменистые пляжи, а затопленный лес.

Удивительно, как все переменялось. Если ручеек, который она помнила, превратился в реку с сильным течением, значит, здесь пронеслось уже немало ураганов. Серафину охватило беспокойство. Что в горах может быть опаснее, чем мощные потоки воды, которые когда-то и помогли сформировать горные склоны.

Но ей необходимо попасть домой! Серафина ступила в темную воду. Стремительное течение ударило по голым ногам тысячу острых осколков. Серафине не раз приходилось переходить реку вброд, но такого странного и тревожного ощущения она еще не испытывала. Сделав еще несколько шагов, девочка поняла, что река слишком глубокая и быстрая, и просто так ее не перейдешь. Стремительные потоки закручивались вокруг ног, будто норовя затянуть под себя, на глубину.

Серафина с удивлением увидела целое дерево – поваленный ствол с ветвями, корнями и всем прочим плыл вниз по реке, крутясь вместе с течением, как гигантский древесный левиафан. Множество больших старых деревьев, оказавшихся у самой кромки новоявленной реки, обрушилось в воду и теперь несло вместе с быстрым потоком, роняя в воду

комья земли с корней.

Девочка вернулась на берег разбухшей реки и отошла по-дальше от кромки – почему-то ей показалось, что темная, враждебная вода хочет поглотить ее. Нет, здесь переходить было нельзя. Но, если Серафина сейчас находится там, где думает, никаких дорог или мостов поблизости нет.

«Попали мы в переplet, девочка, – сказала себе Серафина так же, как говорил обычно папаша. – И что нам теперь делать? Вот в чем вопрос».

Но она быстро придумала.

Она брела по берегу вверх по течению, пока не нашла высоченное дерево, склонившееся над рекой так, что его огромные раскидистые ветви почти что касались верхушек деревьев на другом берегу. Не знающее покоя течение безостановочно подмывало его корни, и рано или поздно этот гигант должен был рухнуть в реку, но сейчас он вполне мог послужить тропой Серафине.

Девочка вскарабкалась на ствол и, пробежав вперед, к ветвям, торчащим высоко над рекой, стала перелезать с сука на сук, надеясь перебраться на тот берег по кроне дерева, как по мосту; Серафина много раз видела, как это делали белки.

Но чем дальше она лезла, тем тоньше, мягче и зеленее становились ветки, они гнулись и качались на ветру. И, кажется, ветер задумал оторвать Серафину от такой вот ветки и умчаты с собой. Качаясь и подпрыгивая вверх-вниз вместе с ветвями, девочка напрягала все свои мускулы, чтобы удерж-

жаться. Она уже видела ближайшее дерево с той стороны – роскошную сосну с крепкими ветвями, усыпанными зелеными иглами, – но допрыгнуть туда пока не могла. Это было слишком далеко даже для нее.

Серафина посмотрела вниз. На расстоянии сотни футов от нее стремительно кружилась черная вода. Если она не удержится или все же попытается перепрыгнуть на другое дерево, то просто плюхнется вниз. А там либо разобьется о воду, либо ее унесет и утопит течение реки. Так или иначе, но река заберет ее себе, как и хотела.

Девочка размышляла, как поступить дальше, когда вдруг услышала треск ветки в лесу позади себя, там, откуда она пришла. Серафина обернулась назад. Неужели мертвяк все же выследил ее по запаху? Но тут она заметила среди деревьев медленно идущую человеческую фигуру в плаще.

«А это что еще за дьявольское отродье сюда притащилось? – с отчаянием подумала девочка. – Как же я хочу домой!»

Она прищурилась и стала вглядываться между ветвей, чтобы понять, что это такое (или кто такой) сюда явилось?

Кажется, это был невысокий мужчина в длинной одежде с капюшоном, скрывающим голову, вроде того, что носили в древней Британии кельтские друиды, – Серафина видела их на картинках в одной из книг мистера Вандербильта.

Пробираясь сквозь лес, мужчина выставил перед собой бледную изящную ладонь. И внезапно от его руки отделился

сверкающий, шипящий шарик синего цвета, напоминающий шаровую молнию. Он повис над плечом хозяина, освещая ему путь в темноте.

«Наверняка какой-нибудь волшебник, – решила Серафина, забираясь поглубже в листву. Ее сердце начало колотиться. – Мертвак, летающие черные дыры, ураганы... Конечно, это его рук дело». Все, что она видела, было заколдовано этим игроком в шары. И, может быть, на лоджии на нее напал тоже он. Неужели он уже захватил Билтмор? Домой, срочно домой!

Но как? Она же торчала на дереве среди ветвей в сотне футов над разъяренной рекой.

Колдун в темной одежде остановился, и у Серафины волосы на затылке стали дыбом. Ее затрясло. Все внутри нее кричало: «Сражайся или беги!» «Беги, – твердил ей разум, – беги, пока не поздно!»

Колдун медленно поднял голову и посмотрел на крону дерева, где пряталась Серафина.

Глава 7

Девочка сползла еще ниже по тонким ветвям, которыегнулись от ветра, пружиня и подкидывая ее в самые неожиданные моменты, отчего внутри у нее все екало и куда-топлыло. Потом снова внимательно осмотрела ветки на том берегу. Всего миг назад ей казалось, что прыгать слишком далеко, но сейчас мускулы уже напряглись, тело завибрировало.

Серафина сфокусировала взгляд на крепкой ветке, прикинула, чуть склонив голову набок, под каким углом лучше прыгать, а затем рванулась вперед с яростным рыком.

Взмыв в воздух, девочка отчетливо представила себя черной пантерой и попыталась стать ею. Она видела себя как живую – и это был самый подходящий момент для превращения. Сейчас, в прыжке, она обернется пантерой. Вот теперь у нее получится!

И снова ничего не произошло.

Серафина отчаянно вытянула вперед свои тонкие человеческие руки, пролетела еще немного и попыталась ухватиться за ветки сосны на другом берегу. Пальцы коснулись ветвей, поймали их. Она смогла перепрыгнуть, но слишком разогналась, и руки не выдержали тяжести тела, пальцы разжались. И Серафина полетела вниз.

Девочка отчаянно замахала руками во все стороны, пыта-

ясь уцепиться за что-нибудь, – за что угодно, – и остановить полет. Она с треском упала на толстую ветку, и у нее перешибло дыхание. Перевернулась, впилась в нее руками, но не удержалась и полетела дальше.

Ударилась о следующую ветку, схватилась, упала, вцепилась, руки соскользнули, пролетела еще немного, дотянулась до ветки, не удержалась, упала, соскользнула и, наконец, с яростным рычанием вцепилась в ветку и удержалась на ней.

Она лежала в развилке сосны, крепко обхватив ствол, примерно на пятьдесят футов ниже того уровня, до которого долетела. Ее руки и ноги были изодраны в кровь. Длинный, всегда такой гибкий и крепкий позвоночник болел ужасно. От мягких человеческих ногтей, которыми Серафина впиалась во все пролетающие мимо ветки, почти ничего не осталось.

Опасаясь поднять еще больше шума, чем уже устроила, морщась от боли, Серафина стиснула зубы и быстро заползла в глубину сосновых веток, поближе к стволу. Потом очень осторожно выглянула из укрытия, уверенная, что колдун ее слышал. Она почти не сомневалась, что встретится с ним взглядом. А может, он будет наводить чары или призывать одно из своих черных чудовищ, чтобы оно расправилось с девчонкой.

Но вместо этого в небо взмыл шипящий, дымящийся шар голубого огня. Он поплыл между деревьями, ярко освещая все вокруг, а колдун внимательно смотрел снизу. Когда шар

подлетел ближе, девочка сжалась в комок среди густой сосновой хвои.

Пылающий шар тихонько жужжал и пах грозой. Серафина почувствовала, как ее волосы плавно встают дыбом, а кожа начинает зудеть, но даже не шевельнулась.

Наконец шар проплыл мимо, и колдун последовал за ним через лес. Только после этого девочка осмелилась облегченно выдохнуть и вообще начать дышать. Она молча следила за колдуном, который пересекал полосу папоротников, растущих вдоль берега реки. Вот он наклонился и сорвал какое-то растение, потом пошел дальше.

Внезапно Серафина краем глаза заметила движение совсем рядом с собой. Резко повернув голову, она увидела большую серебристую паутину, поблескивающую в лунном свете. На дальнем краю ловчей сети сидел восьминогий ткач, всеми своими многочисленными глазами наблюдая за девочкой. Едва он шевельнулся, крошечные капельки росы дрогнули и сверкнули, потом заскользили по тонким нитям, как бусины. Несколько капелек сорвалось и полетело вниз, на лесную подстилку. Серафина понимала, что это невозможно, но она была готова поклясться, что не только видела, но и слышала, как капли-бусины скользят по паутинке. Она всем телом ощутила их дрожь.

Испугавшись, девочка отодвинулась подальше от паутины и снова вгляделась в лес. Колдун, а может, ведун, стоял на коленях, а пылающий голубой шар висел над его головой и

светил, как фонарь. Колдун возился в болотистой почве возле реки, выкапывая высокие хищные растения с цветками, похожими на кувшинчики.

Серафина решила, что может тихо сползти с дерева. Но тут колдун заговорил. Он не перестал выкапывать растения и даже не оглянулся. Голос у него был не громкий и не низкий, и вообще не страшный. Наоборот, колдун говорил очень тихо, спокойно и даже мягко, как будто Серафина пряталась в кустах у него за спиной, а не в сотне футов да еще высоко на дереве.

– Я не вижу тебя, но знаю, что ты здесь, – произнес колдун.

Глава 8

Серафина рванулась вниз. Она стремительно перелетала с ветки на ветку и, едва ее босые ступни коснулись земли, кинулась бежать со всех ног. Быстро оглянувшись на бегу, девочка не увидела ничего и никого, похожего на колдуна, но все равно продолжала мчаться.

Оставив темную реку за спиной, она пробежала сквозь деревья и валуны на гребне горы, а затем через широкую, поросшую лесом долину. Когда же Серафина наконец замедлила бег, по растительности и по возрасту деревьев ей сразу стало понятно, что она близка к цели. Вдалеке мягко мерцал свет, подобно маяку указывая путь домой.

Обходя билтморский пруд с окунями, Серафина отметила, что впадавший в него ручеек разбух от воды, да и в самом пруду вода стояла гораздо выше обычного уровня.

«Начинаются грозы», – подумала Серафина.

В тихих спокойных водах пруда, словно в зеркале, отражались звезды и луна, но девочка не остановилась полюбоваться. Она спешила домой. Ей надо было убедиться, что с Брэденом и папашей все в порядке, предупредить их о том, что происходит в лесу.

Она пробежала по тропинке между цветущими розовыми и оранжевыми азалиями, которые яркостью не уступали луне, и остановилась в неуверенности: холм, за которым рас-

кинулись сады, слабо светился зеленым. Серафина отлично знала билтморские сады, но никогда еще не видела такого зеленоватого сияния. В первый миг она решила, что колдун уже здесь, что он захватил Билтмор и сделал его своим владением. Но почти сразу до нее донесся шум множества голосов.

Подойдя ближе, Серафина поняла, что зеленое сияние – не колдовские чары, а свет, льющийся из окон Зимнего сада, в котором устроили праздник. Проходя через листья тысяч орхидей, бромелий, пальм, отражаясь в огромных стеклах теплицы, свет приобретал зеленоватый оттенок.

Серафина крадучись обогнула здание и заглянула в Итальянский сад, обнесенный стеной. Там собрались десятки дам в вечерних летних платьях и господ в черных фраках. Над ними сияли окна особняка, южные стены дома и башенки выступали из тьмы, как сказочный замок.

Итальянский сад был увит гирляндами из мягко светящихся лампочек наподобие ламп Эдисона, которые использовал в работе ее папаша. Лампочки поменьше висели по всему деревянному навесу, установленному над центральной дорожкой сада, светились среди листьев выющихся растений и цветочных головок, как будто там прятались эльфы. Никогда прежде Серафина не видела такого количества мерцающих огоньков.

Спрятавшись в кустах возле домика садовника, который ухаживал за розами, она стала разглядывать толпу, надеясь

увидеть Брэдена, но так и не нашла его. Вообще-то Брэден был застенчивым мальчиком и не любил находиться в центре внимания, но его дядя и тетя делали все, чтобы он присутствовал на праздниках, которые устраивались в поместье. Брэден был ее самым лучшим и самым надежным другом, они вместе пережили столько приключений, выдержали такие испытания. Серафине не терпелось поскорее увидеться с ним.

Нарядные господа прогуливались по тщательно подстриженным дорожкам, держа в холеных руках узкие бокалы с шампанским. Они болтали и смаковали шампанское, любовались розами, георгинами и цинниями, слушали прекрасную музыку, которую наигрывал струнный квартет, окруженный яркими фонариками. Лакеи в форменных черно-белых ливреях сновали в толпе, разнося на подносах тарталетки с заварным кремом, сыры и кремовые слоеные пирожные. При взгляде на них Серафине ужасно захотелось есть.

Но сам праздник привел ее в глубокое недоумение. Ведь подготовка к такому мероприятию обычно длится в течение нескольких недель. Так почему же она о нем ничего не знала? И почему нет Брэдена? Зато здесь так много совершенно незнакомых людей... И где мистер и миссис Вандербильт?

Несколько самых заводных взрослых и кучка разряженных детишек сбились вместе, а затем зажгли свечи в бумажных фонариках и отпустили их. Теплый воздух, поднимающийся от свечей, потянул фонарики вверх, и они взмы-

ли, словно по волшебству, из раскрытых ладоней прямо в ночное небо. Серафина, так же как и другие дети, следила за фонариками, медленно уплывающими в заоблачную даль. Сначала девочка улыбалась, а потом ей вдруг стало грустно. Она прекрасно понимала, что ведет себя глупо после всего, через что ей пришлось сегодня пройти, но все равно было ужасно обидно, что ее не позвали на такой чудесный праздник. Тем более что это был ночной праздник, а она – ночное создание. Если кого и звать на такую вечеринку, так именно ее! Но все вокруг так сильно изменилось, как будто ее забыли позвать на свой праздник целый мир.

Уничтожив черный плащ и освободив похищенных детей из жуткой темницы, Серафина заняла свое место среди дневных обитателей верхних этажей. Вандербильты радушно открыли перед ней двери, она стала равноправным обитателем Билтмора. Разве не так? Так почему же ее не позвали на праздничный вечер? От одной мысли об этом внутри все переворачивалось. Что случилось? Что здесь произошло без Серафины? И заметил ли кто-нибудь ее отсутствие?

А как всем этим красивым и нарядным людям удалось добраться до Билтмора, когда всего в нескольких милях отсюда, в лесу бушует ураган? Возле холма ручей стремительно нес свои воды в пруд, который грозил вот-вот выйти из берегов. Темные силы подбирались к поместью, а люди словно ничего не замечали.

Тут совсем рядом послышался мягкий смех миссис Ван-

дербильт, и Серафина с надеждой обернулась. Брэдена по-прежнему не было видно, зато мистер и миссис Вандербильт стояли вместе с гостями возле опоры с вьющимися розами.

Мистера Вандербильта, который надел сегодня черный смокинг с белым галстуком, легко было узнать по черным волосам и усам, по худощавому лицу и пронизательному взгляду темных глаз. Большинство мужчин, за которыми случалось тайком наблюдать Серафине, много и шумно двигались, громко разговаривали. Но мистер Вандербильт слыл человеком умным и образованным; он всегда вел себя очень сдержанно и воспитанно. Больше всего хозяин любил в одиночестве спокойно читать у себя в библиотеке, находясь же в обществе, в основном помалкивал, но внимательно слушал и смотрел. Он был очень доброжелателен и с гостями, и со слугами, и с работниками поместья, но во время больших сборищ предпочитал молча наблюдать за присутствующими со стороны, и ничто не ускользало от его внимательных глаз.

Миссис Вандербильт отличалась большей общительностью и любила поболтать с гостями. Она тоже была темно-волоса и, как муж, умна и пронизательна, но при этом обаятельна, мила и улыбчива. На праздник миссис Вандербильт надела очень красивое, свободное сиреневое платье, но Серафину поразило не это, а то, как сильно увеличился живот миссис Вандербильт. Девочка знала, что хозяйка ожидает ребенка, но во время их последней встречи об этом еще невозможно было догадаться.

«Значит, я пропадаю не двадцать восемь дней, – подумала Серафина с таким чувством, словно ее медленно опускали в глубокий, темный колодец. – Меня не было несколько месяцев... Они давно забыли про меня...»

– А где же ваш дорогой племянник? – поинтересовалась одна из дам у миссис Вандербильт.

– Да, действительно, где же молодой мастер Брэден? – подхватил ее муж.

– Он где-то здесь, – безмятежно ответила миссис Вандербильт.

Но Серафина заметила, что, отвечая, хозяйка даже не оглянулась вокруг, как будто заранее знала, что племянника рядом нет. Да и в голосе ее звучала озабоченность, хотя она очень старалась казаться веселой.

Пока миссис Вандербильт беседовала с гостями, мистер Вандербильт незаметно отступил назад и кинул взгляд на библиотечную террасу. Серафине стало видно, что вокруг его глаз и возле рта залегли тревожные морщинки.

– Так как же поживает Брэден? – спросил кто-то из гостей.

– Прекрасно, – ответила миссис Вандербильт, – все прекрасно. У него все в порядке.

«Одного «прекрасно» было бы вполне достаточно, – мелькнуло у Серафины, – но двух как-то многовато». Совершенно очевидно, что что-то совсем не в порядке.

– Прошу извинить меня, – проговорил мистер Вандербильт, касаясь руки жены, – я скоро вернусь.

Он начал торопливо пробираться сквозь толпу. Несколько раз с ним, как с хозяином дома, пытались заговорить, но он, вежливо извинившись, не останавливался.

Серафина последовала за ним, прячась за кустами. Конечно, мистер Вандербильт испугается, увидев ее после стольких месяцев отсутствия, но все же она обязательно покажется, как только они останутся наедине, и расскажет об опасностях, с которыми столкнулась в лесу. В качестве доказательства своих слов можно показать хозяину пруд, в котором поднялась вода. Но сейчас он очень торопился, она это чувствовала.

Мистер Вандербильт прошел под каменной аркой Итальянского сада и, миновав несколько ступенек, перебрался в сад кустарников. Серафина проскользнула за розами и юркнула в тень фруктовых деревьев, чтобы ее не увидели гости. Возможно, она разучилась превращаться, но совершенно точно не утратила способность подкрадываться беззвучно и незаметно. Во всяком случае, двигалась она так же легко и стремительно, как и всегда.

Следуя за мистером Вандербильтом, Серафина перебежала за бук с фиолетовыми листьями, потом за вяз со скошенными вниз ветвями. Наконец хозяин поднялся по ступенькам в беседку.

– Вина, сэр? – спросил лакей, пробегая с полным подносом из дома в сад.

– Нет, благодарю вас, Джон, – ответил мистер Вандер-

бильт. – А нет ли у вас на подносе сладкого чая?

– Да, сэр, – с удивлением проговорил лакей, поскольку чай со льдом никогда не относился к любимым напиткам его хозяина.

«Брэден», – догадалась Серафина.

– Благодарю вас, Джон, – повторил мистер Вандербильт, снимая стакан с подноса и продолжая свой путь. – Ухаживайте там за всеми как следует.

– Обязательно, сэр, – сказал Джон, провожая взглядом хозяина, взбежавшего по ступенькам беседки. В голосе его слышалось беспокойство.

Постояв мгновение, он поспешил дальше в сад.

Прячась за деревом от лакея, Серафина в который раз подивилась способности слуг видеть, слышать и знать все, что происходит с господами. Конечно, она имела полное право находиться среди гостей, и ей даже было обидно оттого, что ее не пригласили. Но в глубине души Серафина понимала, что ей сейчас, как и прислуге, гораздо удобнее и спокойнее тайком наблюдать за праздником, не участвуя в нем. Не говоря уж о том, что насквозь мокрая, окровавленная, перепачканная могильной землей девочка в изодранном платье привела бы гостей в состояние шока.

Впрочем, сейчас ее интересовал только мистер Вандербильт. Ни разу не зашуршав, Серафина пробежала по гравийной дорожке и поднялась по лестнице в юго-восточном углу дома, а оттуда уже добралась до просторной террасы, на

которую выходили стеклянные двери библиотеки. С террасы открывался прекрасный вид на лес и Синие горы. Кованая кружевная крыша террасы и колонны были сплошь увиты длинными, свисающими вниз плетями фиолетовой глицинии. Сквозь распахнутые стеклянные двери на террасу лился теплый янтарный свет.

На скамье сидел, глядя на лес, мальчик. В первый момент Серафина его не узнала, но, подобравшись ближе и рассмотрев лицо, поняла: это Брэден.

А поняв, ахнула. Поза Брэдена, его взгляд настолько ужаснули Серафину, что она даже не бросилась к другу, как поступала обычно. Девочка стояла в глубокой тени, смотрела и пыталась понять, что же она видит.

Первое, что сразу бросилось в глаза Серафине: Гидеан, любимый и обожаемый доberman Брэдена, больше не лежал у ног своего хозяина. Бедный пес растянулся в стороне, опустив голову, повесив уши. У него было такое печальное и отстраненное выражение, словно Брэден прогнал его от себя с презрением и брезгливостью.

Сам Брэден сидел на скамье в полном одиночестве. Его ноги были накрыты пледом, хотя на улице было совсем не холодно. Мальчику уже исполнилось двенадцать, но он выглядел каким-то маленьким и хрупким, словно уменьшился за то время, что она его не видела. Его каштановые волосы стали длиннее, кожа бледнее, как будто он стал реже бывать на улице. Но что напугало Серафину больше всего, так это

длинные кривые шрамы на щеке и нога, скованная каркасом из металла и кожи, с металлической скобой возле колена.

Сердце Серафины сжалось от боли. Ей так хотелось обнять Брэдена. Что с ним случилось? Неужели темные силы, с которыми она столкнулась в лесу, уже дотянулись до него?

– Это я, – тихо произнес мистер Вандербильт, подходя к племяннику. – У тебя все в порядке?

– Да, – сдержанно ответил Брэден, – со мной все в порядке.

Но в его голосе прозвучали нотки, от которых сердце Серафины снова болезненно сжалось.

Он сидел такой печальный. Уголки его рта были сурово опущены, в глазах застыло безразличие. Серафина чуть-чуть придвинулась к другу, и в тот же миг его лицо затуманилось, на нем появилось выражение полной безысходности. И все же мальчик мужественно попытался справиться с собой, чтобы не волновать дядю.

– Ты пришел сюда наверх только из-за меня? – спросил Брэден.

– Там совершенно нечего делать, – кончиками губ улыбнулся мистер Вандербильт, и Брэден ответил ему вялой, понимающей улыбкой.

Мистер Вандербильт протянул племяннику стакан с холодным сладким чаем – любимым напитком Брэдена. Мальчик протянул левую руку, чтобы взять стакан, но она так сильно дрожала, что сразу стало ясно: он не удержит стакан,

не расплескав его.

– Не хочу! – резко сказал Брэден и отмахнулся от чая.

Мистер Вандербильт отступил на шаг и сделал глубокий вдох – хозяин Билтмора не привык к подобному обращению. Но, выждав мгновение, он снова шагнул к мальчику.

– Попробуй еще раз, правой рукой, – мягко посоветовал он, протягивая стакан Брэдену. – Мне кажется, она у тебя работает лучше.

Брэден кинул на него сумрачный взгляд, но все же медленно протянул вперед правую руку и взял стакан. Она тоже дрожала, но все-таки не так сильно, как левая.

Обхватив стакан обеими руками, Брэден начал неторопливо пить. Опустошив стакан, он кивнул так равнодушно, как будто забыл о том, что это его любимое питье. Потом вдруг сказал «спасибо» почти так же радостно, как раньше, но тут же плотно сжал губы и потрянул головой, с трудом сдерживая слезы.

Мистер Вандербильт присел рядом на скамью.

– Плохо сегодня?

Брэден кивнул:

– Последние несколько недель мне вроде бы полегчало, но сегодня я вдруг почувствовал себя ужасно.

– Из-за праздника? – с сочувствием спросил мистер Вандербильт.

– Нет, вряд ли, – покачал головой Брэден. – Хотя... не знаю... может... может быть, это из-за ночи. Сегодня такая

красивая ночь. И луна, и звезды. Она любила такие ночи.

– Мне очень жаль, – проговорил мистер Вандербильт.

– Иногда мне кажется, что я уже снова почти такой, как раньше. А потом вдруг становится так плохо, внутри такая боль, словно она стоит рядом со мной.

«Я стою, Брэден, – подумала Серафина, – я здесь!»

Но она была настолько поражена всем, что видела и слышала, что не могла ни пошевелинуться, ни произнести что-либо – как будто смотрела страшный сон и никак не могла вмешаться в происходящее.

– Бывают времена, – тихо сказал мистер Вандербильт, – когда приходится жить, даже если тебе плохо. У нее было множество причин покинуть Билтмор. Но, если случилось худшее, мы сохраним память о ней в своих сердцах. Она будет жить в твоих воспоминаниях и в моих – тоже. Она была хорошей, смелой девочкой, и я знаю, что для тебя она была не просто другом, а особенным человеком.

Брэден кивнул, соглашаясь с дядей, но на его лице промелькнуло выражение, хорошо знакомое Серафине; в его движениях проскользнула едва заметная неуверенность. Девочке вполне хватило этих мелочей, чтобы понять: Брэден что-то недоговаривает.

Мистер Вандербильт ласково обнял племянника за плечи:

– Что бы ни случилось, мы пробьемся.

Как странно и захватывающе было смотреть и слушать со стороны, оказаться в мире, где ее нет. Но Серафина не вы-

держала. Она хотела сказать, что жива и здорова, что вернулась домой! И, самое главное, ей надо было предупредить всех! Существо с когтями, черные дыры, ураганы, темная река, колдун... они наступали.

Глубоко вдохнув, Серафина вышла из-за колонны и встала перед дядей и племянником.

– Брэден, это я. Я вернулась.

Глава 9

Ни Брэден, ни мистер Вандербильт не обернулись. Они вообще никак не отреагировали на ее появление. Похоже, они не видели и не слышали Серафину, хотя она стояла прямо перед ними.

– Брэден, это я! – громче повторила Серафина, приблизившись еще на шаг. – Мистер Вандербильт, это Серафина. Вы меня слышите?

Но ни один не откликнулся. Она не верила себе. Это было невозможно!

– Брэден! – отчаянно закричала Серафина.

Она стоит прямо напротив, а они ее не видят! Что происходит? Серафина задрожала от страха.

Перед тем, как вернуться к гостям, мистер Вандербильт положил руку на плечо племяннику.

– Сиди здесь, сколько захочется, – ласково сказал он, – но, если тебе полегчает, может, надумаешь спуститься к нам?

– Я обязательно подумаю, – ответил Брэден. – Там правда очень красиво, мне даже отсюда огоньки видны.

– Может быть, отец Серафины, ярко освещая фонариками весь Билтмор, надеялся, что так ей будет легче найти дорогу домой, – сказал мистер Вандербильт печально, прежде чем выйти.

Гидеан, который по-прежнему лежал в стороне, просле-

дил взглядом за спускающимся по лестнице мистером Вандербильтом, затем сумрачно посмотрел на Брэдена.

– Гидеан, ты меня слышишь, мальчик? – обратилась Серафина к старому другу.

Но пес и головы не повернул в ее сторону, и его длинные острые уши даже не дрогнули. Он не сводил тоскливого взгляда с Брэдена.

Но как такое могло быть? Она же стояла прямо перед ними и была видна не хуже, чем ночь за окном.

Серафина окинула Брэдена внимательным взглядом, затем посмотрела на себя. Сверху, сквозь увитую гибкими ветвями резную крышу пробивались лунные лучи, окружая ее неземным мертвенно-белым сиянием.

«А я вообще здесь? – спросила себя девочка. – Может, я все еще лежу в гробу глубоко под землей, и мне просто кажется, что я выбралась? Может, меня околдовали? Или я давно превратилась в призрака, духа, привидение?»

Она вспомнила, как легко сбежала от когтистого существа в лесу, как ловко укрылась от колдуна, как быстро и незаметно проскользнула мимо гостей на празднике.

Она почувствовала, как в груди снова нарастает волнение. Смахнула слезы. Что с ней случилось? Надо срочно прекратить это ужасное недоразумение!

Серафина подошла к Брэдену.

– Это я, Брэден. Я вернулась. Это я, – проговорила она дрожащим голосом.

Но Брэден не отвечал. Он мрачно смотрел вдаль на залитые лунным светом поля и лес. Вид у него был такой одинокий. И лицо напряженное – раньше Серафина не замечала у друга такого выражения.

Она подняла руку в пятно света, чтобы рассмотреть ее. Повернула в одну сторону, потом в другую. Рука как рука. Но Брэден ее не замечал! Совсем недавно Серафина почувствовала голод. Но, может быть, она вспомнила о еде только потому, что увидела ее? Она ощутила боль, когда упала с дерева. Но, возможно, она только думала, что чувствует боль, потому что должна была ее почувствовать. Что, если она лишь вспоминала свои чувства?

Брэден глубоко, тяжело вздохнул, потом зашевелился. Крепко сжав края скамьи трясущимися от усилий руками, он с трудом поднялся на свои искореженные ноги. Постоял немного, согнувшись пополам, как будто его тело было сломано, и опираясь плечом на колонну. Ему было так мучительно трудно встать, что после этого приходилось отдыхать.

Когда Брэден шагнул вперед, в первый миг Серафине показалось, что дальше с ним будет все в порядке, но лицо мальчика вдруг исказилось от боли, а нога подломилась. Металлический каркас стеснял движения, и Брэден пошатнулся. Серафина автоматически рванулась вперед, чтобы подхватить его, но он все равно тяжело повалился на гравий и застонал от боли.

Серафина попятилась в полной растерянности. Она бы-

ла уверена, что подросла вовремя, но почему-то не смогла удержать друга.

Брэден силился встать на ноги. Серафина снова кинулась к нему, чтобы помочь подняться, схватила его за руку. Она была уверена, что держит его. Она должна была его держать! Девочка отлично видела собственные руки, которые касались Брэдена! Но через несколько мгновений Серафина осознала, что не чувствует друга, не ощущает тепло его тела. Она знала, что должна чувствовать, могла представить, что ощущает, но это больше походило на воспоминание об ощущениях.

Ее дух помнил реальный мир так же, как человек с ампутированной ногой по-прежнему чувствует ее и помнит, как она двигалась и болела, хотя ноги уже нет.

Серафина осторожно вытянула руку и попыталась тронуть Брэдена за плечо, коснуться его руки. Что-то такое было под пальцами, какой-то предмет, но Серафина не улавливала живого тепла. И было очевидно, что и Брэден не чувствует ее совсем.

Выбравшись из-под земли, Серафина жила в этом мире по инерции, по памяти. И сейчас она вдруг оказалась в положении человека с отрезанной ногой, который собственными глазами увидел, что ноги-то нет. Серафина вдруг ясно поняла, что полностью отрезана от окружающего мира. И чем яснее она это осознавала, тем быстрее таяла, тем меньше в ней оставалось живой Серафины.

Стиснув зубы, девочка попыталась удержать себя в реальности, но у нее ничего не получалось. Серафина прижала ладони к щекам и зажмурилась, стараясь только дышать, а потом заплакала от страха и растерянности. Ее затошнило. Кажалось, она вот-вот потеряет сознание, но Серафина держалась изо всех сил.

Брэден медленно, волоча за собой поврежденную ногу, дотащился до каменной балюстрады и встал, опираясь на нее и глядя в ночь. Он так глубоко задумался, как будто что-то припоминал. Сначала Серафина решила, что он любит деревья и гряды облаков, плывущую по ночному небу, а потом поняла, что он смотрит туда, откуда она пришла. Брэден смотрел в сторону старого кладбища и поляны Ангела.

– Нет, она не ушла, – неожиданно проговорил он, словно его дядя все еще стоял рядом. – Она погибла и похоронена.

Глава 10

Серафина в ужасе отшатнулась. Он сказал: «Погибла и похоронена»!

«Неужели меня похоронил сам Брэден? Неужели я и вправду мертвая?»

Она знала, что ее похоронили, это невозможно было отрицать, но мертвая? Она совершенно не чувствовала себя мертвой!

В потерянном, безнадежном голосе Брэдена ей слышалось что-то недоговоренное, какая-то тайна. В его глазах читалась неуверенность. Он отчаянно ждал чего-то, тянул время. Несмотря ни на что, несмотря на горе и боль, он как будто слабо-слабо на что-то надеялся.

После того, как мистер Вандербильт вернулся в праздничный сад к жене и гостям, Серафина осталась с Брэденом лишь для того, чтобы побыть рядом с ним. Но чем дольше она находилась возле мальчика, тем сильнее у него портилось настроение. Она догадывалась об этом по тому, как дрожат у него руки и ноги, по убитому лицу, даже по резкому, неровному дыханию. Ее присутствие выводило Брэдена из равновесия и расстраивало его.

Поэтому, когда он наконец улегся в постель, а гости разошлись по комнатам, приготовленным для них в доме, Серафина отправилась в подвал к папаше. Она шла мимо слуг и

служанок, которых знала по именам, мимо лакеев и всевозможных помощников, но никто ее не видел.

В мастерской никого не оказалось, папаша, видимо, еще не вернулся с работы. Серафина подождала немного, но он все не шел. Ее сердце сжалось от нехорошего предчувствия. Неужели и здесь все переменялось?

Она принялась осматривать подвальные помещения – комнату за комнатой, кухни и буфетные, мастерские и кладовые. Билтмор был такой огромный! В конце концов она все-таки нашла папашу. Он чинил маленький электрический мотор кухонного лифта. Серафина облегченно выдохнула.

Отец стоял на коленях, проворачивая гаечный ключ. Мыскулы на его обнаженных, влажных от пота предплечьях вздулись от напряжения. Он был крупный, угрюмый с виду мужчина с бочкообразной грудью и мощными руками. Носил простую рабочую одежду, кожаный передник и тяжелый кожаный ремень, за который были заткнуты всевозможные инструменты. Серафина тысячу раз наблюдала за тем, как он работает, передавала ему отвертки и молотки, приносила запасные детали и рабочие материалы. Но она никогда не видела отца таким опустошенным. Он работал без радости, без желанья. Двигался медленно, точно замороженный, и в глазах его стояла тоска. Вроде бы делал все, как всегда, но абсолютно равнодушно.

– Па... – проговорила Серафина, вставая перед ним. – Ты меня слышишь?

К ее удивлению, отец перестал работать. Он медленно обернулся, осмотрелся вокруг. Было очевидно, что папаша ее не замечает, но он так долго вглядывался в пустоту перед собой, словно не сомневался, что рядом кто-то есть.

Через несколько мгновений отец вытащил из кармана тряпицу и вытер лоб. Потом опустил голову и утер глаза. Плечи его вздрогнули от скрытых чувств, лицо затуманилось. Неизвестно, что знал о смерти Серафины Брэден, но отец явно был уверен, что она мертва.

Это было понятно по его убитому лицу и вялым движениям. Двенадцать лет он был счастлив, что у него есть дочь. А теперь она пропала, и папаша снова остался один, как перст.

Серафина смотрела на папашу, и сердце у нее разрывалось от горя.

Он бросил чинить мотор и тяжело вздохнул, словно вся эта возня потеряла для него всякий смысл. Чтобы папаша оставил работу недоделанной – такого еще не бывало! Для него было невысказано уйти, не приведя механизм в порядок.

Отец вскинул на плечо кожаный мешок с инструментами и устало зашагал в сторону мастерской. Серафина последовала за ним. Он шел медленно, равнодушно, как путник, которому некуда спешить.

Девочка не отставала от отца, пока он ходил туда-сюда по мастерской, складывая инструменты и собирая себе поздний ужин.

Как обычно, папаша приготовил на плите, переделанной

из железной бочки, курицу с овсянкой и сел есть в одиночестве. Серафина устроилась напротив на своем старом стуле. Сколько раз она слушала папашины истории, сидя на этом стуле, а потом сама рассказывала о своих делах и важных событиях – пойманных крысах или звездах, упавших с неба у нее на глазах. Но сегодня ее тарелка и ложка остались на верстаке, где лежали без всякого дела уже несколько месяцев.

– Я съем овсянку, па, честное слово, съем, – громко сказала Серафина, и ее глаза наполнились слезами.

Позже, когда папаша улегся в постель и заснул, девочка прокралась на свою пустую лежанку позади парового котла и тоже легла. А что ей еще делать? Она не знала.

Что случится, если тебе приснится, что ты заснула? Будут ли тебе сниться сны? И может ли первый сон считаться явью по отношению ко второму?

Как она может чувствовать себя усталой, если умерла и ее закопали? Непонятно. К счастью, сон – это отдых не только для тела, но и для ума, и для души. А Серафина точно знала, что устала до ужаса. Несчастливая и дрожащая, она свернулась клубком у себя в постели и заснула.

Ей снилось, что она кусается, царапается, бьется в черном водовороте. Потом все пропало, и она чувствовала только землю, реку и ветер – огромный мир, не имеющий четких очертаний. Она неслась сквозь него, как пылинка, как крошечная капелька, как легчайшее дуновение ветерка, а потом совсем растворилась и стала ничем.

Серафина проснулась, как от толчка. Оглядела мастерскую, не понимая, спит ли она еще или уже проснулась. Может быть, ей просто приснилась собственная смерть? Или она действительно умерла и все вокруг нее – это сон?

Она вспомнила пугающее ощущение того, как течение реки пытается порвать ее ноги в мелкие клочки, как ветер пробует унести ее с собой. «У меня осталось совсем мало времени, – подумала Серафина со страхом, – а потом я стану ничем».

Она снова огляделась, пытаясь понять, что происходит. Было темно, самое колдовское время между тремя и четырьмя часами утра.

Все еще содрогаясь после страшного сна, она встала с лежанки и замерла посреди мастерской, не зная, что делать дальше. Некоторое время просто стояла, соображая, дышит ли она на самом деле или ей это только снится, – а может, и кажется, – что она дышит, по старой памяти.

В конце концов Серафина подошла к спящему папаше и дотронулась до него, чтобы убедиться, что он настоящий. Она ощутила под рукой нечто, но не почувствовала ни тепла тела, ни какой-либо реакции на прикосновение. Это было так же, как с Брэденом.

Ну и пусть она не ощущает его тепла, а он не ощущает ее. Она все равно свернулась у его груди котенком, таким крошечным и невесомым, что его невозможно почувствовать. И решила не спать.

Утром, когда папаша проснулся, она снова пыталась прикоснуться к нему, говорить с ним, рассказывать, что с ней происходит. Она предупреждала его о том, что назревает в лесу, просила посмотреть на пруд, который вот-вот разольется. Но, чем больше она старалась, тем он становился грустнее. Ее присутствие не утешало его, наоборот – нагоняло тоску. Она преследовала его, как привидение.

В конце концов, когда отец, собрав инструменты, отправился на работу, Серафина, вопреки собственному желанию, не пошла за ним, чтобы не мучить.

Глава 11

Серафина сидела, положив голову на руки, на нижней ступеньке лестницы, ведущей в подвал, и думала, как вернуться в мир живых и предупредить окружающих о том, что они в опасности. На нее кто-то напал, на Брэдена, видимо, тоже, и можно было не сомневаться, что нападут снова.

«Но что я могу сделать?» – спрашивала она себя.

Как поговорить с теми, кого она любит? Как их предупредить?

Серафина уже нашла мистера и миссис Вандербильт, Брэдена, Гидеана и папашу, но в Билтморе был еще один человек, который мог бы ей помочь.

Девочка поднялась по служебной лестнице на четвертый этаж, прошла коридором до той части, где жили служанки, и приблизилась к одной из комнат. Дверь в нее была распахнута настежь. Серафину охватило дурное предчувствие.

– Эсси? – негромко позвала она. – Эсси, ты здесь?

Она медленно скользнула в комнату.

Комната ее подруги Эсси была пустой и заброшенной. На тумбочке возле кровати не висели стопки книг и газет. На стенах не висели сделанные Эсси рисунки цветов и растений. Ее одежда не валялась на полу и не висела на стуле. На кровати не было подушек и простынь.

У Серафины все внутри опустилось. В этой комнате боль-

ше никто не жил. Эсси пропала.

Вспоминая многочисленные байки подружки про привидений и призраков и всякие другие истории про таинственные и загадочные случаи, которые издавна рассказывают в горах, Серафина надеялась, что Эсси поможет ей. Может быть, у них даже получится поговорить. Но надежды оказались напрасны.

Это было так обидно, так несправедливо. Серафина вернулась домой, но продолжала тосковать по дому. Ну почему она не может жить по-прежнему? Она нашла друзей и вошла в новую семью. Она носила красивые платья и пила английский чай со сливками. Сливков было много-много! Она встретила со своей матерью-львицей и носилась вместе с ней по лесам, гладила по голове и слушала ее мурлыканье. Где теперь ее мать и львята, что с ними? Тоже пропали, как и Эсси? Думать о том, что с кем-то из них могла случиться беда, было просто невыносимо.

Серафина вновь оглядела комнату и вдруг заметила на стене зеркало. Девочка словно окаменела, только сердце заколотилось часто-часто.

– Нет, только не это... – твердо проговорила она.

Она не желала подходить к зеркалу. Она слишком боялась заглянуть в него.

Что она там увидит?

Себя прежнюю? Или привидение? Восставшего из могилы кошмарного призрака, израненного, в окровавленных

лохмотьях? Да-да, она стала таким вот кошмарным призраком! Наверняка! А к чему ей смотреть на собственный окровавленный труп?

«Возьми себя в руки, ты, перепуганная дурочка, – сердито сказала сама себе Серафина. – Ты должна увидеть себя! С этим необходимо разобраться!»

Она набрала в грудь побольше воздуха и сделала шаг к зеркалу. Потом еще один шаг. Наконец она медленно придвинулась к нему и осторожно заглянула сбоку.

В зеркале отразился свет и легкое движение, подобное дуновению ветерка. Серафины в зеркале не было.

Она была никто и ничто.

А ведь когда-то, глядя в это самое зеркало, Серафина заметила, как начали меняться ее янтарные глаза, как появились черные пряди в ее волосах. И с какой гордостью она любовалась собой в новом прекрасном платье! Теперь же у нее не было ни глаз, ни волос. Ничего.

Все, что она успела узнать и полюбить, покинуло ее. Что это – колдовство? Законы неумолимого времени?

Пожалуй, дело не только в этом. Весь мир Серафины разлетелся на тысячи осколков, совсем как ваза эпохи Мин, которую уронили на кафельный пол. Интересно, сможет ли Серафина сложить эти осколки вместе?

«Будь смелой, – велела себе девочка. – Хватит валять дурака, жалеть себя. Во сне или наяву, мертвая или живая, ты не сдашься так просто, не впадешь в отчаяние. Ты будешь

сражаться до конца!

Размышляя об этом, она вдруг заметила в зеркале чуть заметное движение света и воздуха. Позади нее что-то было. Серафина стремительно обернулась, но увидела лишь мельчайшие частицы пыли, выющиеся в солнечных лучах, которые падали из окна.

Подойдя ближе, девочка с удивлением обнаружила, что может отчетливо рассмотреть форму каждой пылинки и то, как она переворачивается в воздухе, попадая то на свет, то в тень. Почему то вспомнились слова, которые обычно проносят над гробом любимого человека.

«Мы предаем ее тело земле, – говорит пастор. – Все мы возвратимся в прах, из которого взяты. Прах ты и в прах возвратишься. Земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху».

Не отрывая взгляда от пылинок, пляшущих в столбе света, Серафина прошептала: «Теперь и я такая. Плавающие в воздухе пылинки».

Она медленно провела рукой сквозь столб света. Рука не отбрасывала тени, но Серафина готова была поклясться, что от ее движения пылинки разлетелись в стороны.

– Я здесь, – сказала она себе. – Совсем чуть-чуть, но я еще здесь.

«В виде пылинки или в виде дуновения ветра, но я существую. А значит, еще есть надежда».

Серафина оглядела пустую комнату Эсси. Прошрое осталось позади. Впереди ожидало неизвестное будущее. А что

же было сейчас?

Она выглянула в окно, из которого открывался вид на горы. Над ними, задевая вершины, неслись темные тучи. Огромные серые полотна дождя поглощали солнечный свет. Французская Широкая река всего за несколько дней поднялась так высоко, что прорвала берега и залила лагуну. Та полностью ушла под воду и размывлась.

«Приближаются бури, – подумала Серафина. – И я должна их остановить».

Глава 12

На первый этаж Серафина спустилась по длинной, изогнутой парадной лестнице. Шла среди белого дня мимо гостей. Она прыгала перед ними, пробовала их коснуться. Она задевала руками пышные юбки дам в надежде, что ткань всколыхнется. Но ничего не происходило. Всю свою жизнь Серафина пряталась от людей, но сегодня ей так хотелось, чтобы хоть кто-нибудь, неважно кто, догадался о ее присутствии.

– Приветик! – сказала она одной из дам, которая только приехала на летний бал.

– У вас очень красивое платье! – крикнула она другой.

– На вас шляпа косо сидит, сэр, – сообщила она одному из джентльменов.

Спустившись в холл, Серафина отправилась в Зимний сад. Там юные барышни в прелестных голубых и желтых платьях пили чай и болтали. Серафина попыталась стянуть со стола кусочек сахара, а затем – перевернуть чашки, но не сумела сдвинуть ни то, ни другое даже на миллиметр. Потом она заметила, что над одной чашечкой поднимается пар. Девочка наклонилась и подула на него. К ее удивлению, завиток пара изменил направление движения, после чего растаял в воздухе. Серафина довольно улыбнулась. Хоть что-то у нее получилось.

Приободрившись, она прошла служебным коридором в курительную, обитую ярко-синей дамасской тканью. В комнате были красиво расставлены изогнутые стулья с бархатной обивкой, на полках стояли книги с золотым обрезом. Серафина заходила сюда с Брэденом перед Рождественским балом – самым первым, на который ее пригласили как гостью. И Серафина, и Брэден были в своих самых лучших нарядах. «Хотелось бы верить, что это не последнее Рождество в моей жизни», – хмуро подумала Серафина.

Но она не собиралась до бесконечности торчать посреди курительной, оплакивая и жалея себя всего-навсего из-за собственной смерти.

Серафина подошла к камину с прекрасной резной мраморной полкой. Чучело совы по-прежнему стояло на своем месте. Девочка вздохнула с облегчением. В белых сов могли превращаться ее враги-оборотни – могущественный колдун Юрайя и его коварная дочка Ровена, которая во всем помогала своему отцу.

Когда-то давно Юрайя создал собственное темное царство на территории, где сейчас располагалось Билтморское поместье, и в его окрестностях, запугал и подчинил многих местных жителей. Он уничтожил сотни лесных животных и среди них – отца Серафины, который умел оборачиваться черной пантерой. А потом в эти края приехал мистер Вандербильт. Он выкупил обширные участки земли, благоустроил их, построил Билтмор. Его появление рассеяло черные

чары и вдохнуло жизнь в тихо умирающие леса, поля и горы. За это Юрайя возненавидел мистера Вандербильта и поклялся уничтожить Билтмор.

Сначала колдун создал черный плащ, с помощью которого можно было отнимать души у других людей. Потом – посох-оборотень, подчинявший себе животных для того, чтобы Юрайя мог насылать их на своих врагов.

К счастью, Серафине, Брэдену и их друзьям удалось дать отпор колдуну. Серафина в облике пантеры сшибла Юрайю насмерть, когда он в виде совы летел над горной рекой. Тогда же погибла и Ровена.

Хотелось верить, что им удалось уничтожить врагов окончательно и бесповоротно. Но не зря Вайса говорил: «Злого колдуна не так-то просто убить. Кажется, что он мертв, а он продолжает жить, – его дух жив. Он скрывается во мраке, которого другим видеть не дано».

На следующее утро после боя с колдуном Билтморские лесничие нашли в лесу мертвую сову. Из ее тушки сделали чучело и поставили на каминную полку в курительной. Сова казалась тогда такой живой. Сейчас чучело как-то потускнело и потерлось, перья посерели и поредели. Теперь при взгляде на нее не возникало сомнений в том, что это неодушевленный предмет. Но, рассматривая чучело, Серафина вдруг почему-то вспомнила сухую и белую змеиную кожу, сброшенную ради новой оболочки.

Неужели колдун в капюшоне, которого она встретила у

реки, – все тот же Юрайя, только в новом обличье?

Выходит, это он напал на нее в ночь полнолуния? Он устраивает ураганы в лесу? Неужели Юрайя снова вернулся, чтобы уничтожить Билтмор? Или же это какой-то новый враг, о котором пока ничего не известно?

Оставшуюся половину дня Серафина пробовала двигать пылинки, дуть на пар и огоньки свечей, чтобы они дрогнули. Между делом она следила за тем, что происходит в доме. Невидимый дух, она, не выходя из тени, следовала за гостями, наблюдая, как они живут своей обычной будничной жизнью, и стараясь заметить что-то необычное или подозрительное в их поведении.

Необычное проявилось только вечером.

Торжественный ужин в Банкетном зале начался ровно в восемь. Гости и прислуга обсуждали бесконечные дожди, размокшие дороги, затопленные поля, на которых гнил урожай. Брэден сидел рядом с дядей и тетей. Вроде бы настроение у него сегодня было получше, чем накануне вечером, по крайней мере, он решился выйти к ужину. И все же мальчик оставался хмурым и мрачным. Какой-то усатый джентльмен, сидящий неподалеку, попытался заговорить с ним:

– Как приятно видеть вас, мастер Брэден. Мне было так жаль, когда я узнал, что вы перестали ездить верхом. Ведь вы всегда так любили лошадей.

Джентльмен искренне хотел проявить заботу и доброжелательность, но после его слов лицо мальчика словно окаме-

нело.

Серафине так хотелось привлечь внимание Брэдена, показать ему знак, показать, что она рядом, – например качнуть воду в его стакане или сделать еще что-то в том же роде. Но, стоило девочке приблизиться, как Брэден помрачнел еще больше. Он пробормотал, что устал, и попросил разрешения выйти из-за стола.

– Спокойной ночи, Брэден, – проговорила миссис Вандербильт, огорченная тем, что он уходит так рано.

– Спокойного сна, – сказал мистер Вандербильт племяннику, но потом, коснувшись руки Брэдена, притянул его к себе и очень тихо добавил: – Не забудь: ночью слуги запрут двери на все запоры и выставят охрану.

Брэден стиснул зубы и, не сказав в ответ ни слова, вышел из зала. Его грубость поразила Серафину. Если мистер Вандербильт догадывался об опасностях, угрожающих Билтмору, то его решение запереть двери и выставить охрану было единственно верным. Но почему-то складывалось впечатление, что все будет перекрыто не для того, чтобы защитить Билтмор от вторжения, а для того, чтобы помешать Брэдену выйти из дома. Мистер Вандербильт специально предупредил племянника. И тот был от этого не в восторге.

Серафина последовала за другом. Тот с трудом поднялся по лестнице и доковылял до своей комнаты, подволакивая схваченную металлом ногу. Брэден обладал особым даром исцелять животных. За время их знакомства Серафина ви-

дела, как он вылечил лису, сапсана и многих других зверей. Он любил и понимал животных, а они любили и понимали его. Но, к сожалению, Брэден не умел лечить людей – в том числе и себя.

Что же такое случилось, какое горе заставило его отвернуться от своих самых верных друзей? От пса, от лошадей...

Гидеан уже ждал хозяина возле двери в комнату.

– Я не хочу, чтобы ты ходил за мной, – холодно сказал Брэден Гидеану. – Уходи!

У собаки был такой несчастный вид, что Серафине страстно захотелось присесть рядом и погладить его, как она делала раньше.

– Конечно, он это не всерьез, – сказала она Гидеану, хотя пес не слышал ее.

На самом деле она уже ни в чем не была уверена. Кто знает, может, Брэден говорил всерьез.

Проскользнув вслед за Брэденом в его комнату, девочка пришла в изумление. Раньше здесь всегда было так прибрано, тепло и уютно. Но теперь комната стояла грязная и неухоженная. На комодѣ громоздилась стопка подносов с недоеденной пищей, по полу была разбросана грязная одежда. Кровать с пологом не застелена. Шторы запылились. Похоже, Брэден и сам не убирался много месяцев, и слуг к себе не пускал.

Брэден повалился в маленькое кожаное кресло напротив пустого, холодного камина и тяжело, устало выдохнул. По-

тер дрожащей рукой больную ногу. Другая нога постоянно двигалась. И, кроме того, Брэден безостановочно проводил рукой по волосам и вытирал одну половину лица. Нет, он не просто устал. Он был растерян и встревожен.

Серафина вспомнила, как явилась к нему однажды ночью и как они с Гидеаном дремали на ковре у теплого огня, а Брэден спокойно спал в своей постели. Но сейчас он просто сидел, безразлично глядя на холодный пепел в пустом черном очаге.

Внезапно Брэден встал и принялся беспокойно ходить по комнате. Железный каркас стучал о деревянный пол. Мальчик все крепче сжимал дрожащими пальцами виски, как будто в голове у него звучали слышные только ему голоса.

Все больше волнуясь, он снял черный фрак и брюки и надел старую потрепанную одежду, в которой обычно путешествовал по горам. Затем опустился на колени и вытащил из-под кровати свернутую кольцом веревку.

– Что, черт возьми, ты собираешься делать? – громко заинтересовалась Серафина.

Когда все в доме разошлись по своим комнатам, Брэден открыл окно и сбросил в темноту конец веревки. Всю ночь шел дождь, и в комнату сразу полетели брызги.

– Да что такое творится у тебя в голове? – снова спросила Серафина, чувствуя, как от тревоги сердце сжимается в груди.

У Брэдена так ужасно тряслись руки, что он еле-еле при-

вязал другой конец веревки к кровати. Затем подошел к окну.

– Брэден, что бы ты ни выдумал, не делай этого! – предупредила Серафина.

Но он, скользя, вскарабкался на мокрый от дождя подоконник и начал выбираться наружу. Нога в каркасе не слушалась, поэтому он приподнял ее руками, затем сполз с подоконника и стал медленно спускаться по веревке вдоль стены здания.

То, что он делал, было безумно опасно даже для здорового человека в сухую погоду. Но сейчас из окна по веревке карабкался больной паренек, да еще и в грозу. От каменного пола террасы его отделяло сорок футов. Падение означало неминуемую смерть.

– Осторожней, Брэден! – испуганно и возмущенно закричала Серафина, высовываясь из окна.

Ветер растрепал ей волосы, а потом вдруг сбил с ног и поволок за собой вместе с каплями косога дождя. Серафина почувствовала, что взмывает в воздух. Частицы ее души готовы были разлететься во все стороны, раствориться в грозе. Она вцепилась в ручку окна, изо всех сил пытаясь удержаться в целости.

Серафина беспомощно наблюдала сверху, как Брэден спускается вниз по веревке. Если он не удержится, она не сможет его поймать! Он упадет и разобьется!

Яркая молния перерезала все небо, а затем прямо над го-

ловой громыхнул гром.

Глава 13

Серафина отчаянно цеплялась за окно, и ей казалось, что сама вселенная хочет разорвать на мелкие клочки все, что от нее еще оставалось. И все же девочке удалось сползти вниз по стене дома и встать на твердую почву. Дух ли, привидение ли, но она присела на корточки и прижала ладони к каменной плитке террасы, благодаря землю за ее плотность и твердость.

Было понятно, что вселенная скоро вберет ее в себя, что у души осталось совсем мало времени до того, как она распадется на отдельные частицы, из которых создано все в этом мире.

Тут на террасу рядом с Серафиной спустился Брэден. Он ненадолго замер, переводя дух и вытирая залитые дождем глаза.

– Куда это ты собрался посреди ночи? – поинтересовалась Серафина, все еще рассерженная тем, что он так беспечно рисковал своей жизнью.

Словно в ответ, мальчик встряхнулся и зашагал сквозь дождь. Сегодня не было ни праздничных огней, ни музыки – только дождь и темнота. Серафина шла за ним. Вниз по ступенькам, через сад. Покалеченная нога мешала ему быстро двигаться. Он волочил ее за собой, металл с каждым шагом скребся о камень, но Брэден целеустремленно продвигался

вперед и шел с неплохой для своего состояния скоростью. Было видно, что он отлично знает, что делает.

По извилистой тропинке в саду кустарников, мимо кельрейтерии, покрытой золотыми листьями, вниз по ступенькам и, через арку, в Итальянский сад.

Серафина не знала, куда он идет, но ей было хорошо рядом с ним, нравилось совместное ночное путешествие – не важно, куда. Всего несколько минут назад она чуть не растворилась в воздухе, а сейчас, забыв про это, вновь гадала, что произошло с ее другом, пока она отсутствовала. Серафина все еще надеялась каким-то образом пообщаться с Брэденом, а потом даже вернуться к нему в этот мир. Ей было ужасно одиноко оттого, что нет никакой возможности ни поболтать с другом, ни помочь ему, ни спросить, о чем он думает. При взгляде на его мрачное, застывшее лицо Серафину охватывало такое отчаяние, что самой становилось страшно.

Брэден и следом за ним Серафина миновали центральную беседку и вошли в розовый сад. Мальчик нырнул в каменный домик, принадлежащий главному садовнику розария мистери Фетлану. В домике хранились грабли, тяпки и прочие садовые инструменты, а также цветочные горшки, подносы и деревянные ящики из-под яблок. Мальчик схватил фонарь, лопату и снова выскочил под дождь. Он уже промок до костей и весь дрожал, но упорно продвигался вперед.

Прошел через сад, а затем по тропе к пруду. После того, как лодочный сарай остался позади, Серафина решила, что

Брэден собирается перейти по большому мосту из красного кирпича, перекинутому через восточный конец пруда. Но в самый последний момент он свернул левее и вошел в лес.

– Все очень и очень странно, – сказала Серафина. – Куда же ты теперь?

Он шел по краю пруда, над которым нависли ветвями старые деревья, пока не послышался шум бегущей воды. В этом месте ручей впадал в пруд, и здесь же поперек потока было установлено низкое кирпичное заграждение, которое сдерживало течение. За последние годы заграждение поросло кустарниками, мхом и вьющимися растениями, так что Серафина не сразу сообразила, что это такое.

Когда-то давно, когда поместье еще только строилось, архитектор мистер Олмстед решил, что ландшафт будет выглядеть незавершенным без декоративного пруда. Он рассказывал Серафине, что собирался устроить такой же водоем в Центральном парке Нью-Йорка. Девочка никогда не видала Нью-Йорк, да и вообще не бывала нигде, кроме своего горного края. Она даже не представляла, как выглядят равнины, – наверное, очень странно. И как там люди разбираются, куда идти? Но все равно Серафине очень нравилось слушать рассказы мистера Олмстеда о парке в огромном городе. На территории Билтморского поместья, как, впрочем, и в горах, не было природных озер, но много лет назад какой-то старик-фермер перегородил ручей, чтобы устроить мельничную запруду. А мистер Олмстед расширил запруду, придал

ей новую форму, и получился пруд, который стал частью сада.

Серафина вспомнила, как однажды папаша привел ее на это самое место и показал, где ручей впадает в пруд.

– Это маленький тихий ручеек, – объяснил папаша, – но каждый раз во время сильных дождей он разбухает и норовит нанести в пруд грязи, палок и прочего мусора. Фермерам или, там, стаду коров без разницы – грязный пруд или чистый, но для такого благородного джентльмена, как мистер Вандербильт, грязный пруд никак не годится, вот мистер Олмстед и придумал выход из положения.

Серафина ясно представила себе папашу. Он всегда был такой довольный и оживленный, когда рассказывал ей что-нибудь.

– Мистер Олмстед велел рабочим построить поперек ручья это кирпичное ограждение, чтобы оно пропускало через себя воду и замедляло течение. Видишь, вода спокойненько стекает прямо в ту большую дыру. Если вода чистая, она уносится в пруд. Но загляни-ка в дыру, Сера. Видишь вон ту металлическую штукювину? Мистер Олмстед попросил меня установить там стальную корзину со скользящим затвором. Во время сильной грозы, когда ручей несет грязь и мусор, корзина их ловит.

– Но я не понимаю, – с недоумением произнесла Серафина, – куда же утекает вода с грязью? Она же должна куда-то деваться?

– В том-то и дело! В этом вся хитрость. Когда мы построили сооружение, мистер Олмстед объяснил рабочим, как сделать длинный, извивающийся кирпичный туннель, который называется желобом. Этот туннель тянется отсюда под всем прудом на расстояние не менее тысячи футов до того места на другом берегу, где ручей продолжает свой бег. Так вот, когда идет сильный дождь, ручей переполняется грязной водой, а стальная корзина забивается мусором. Под тяжестью этого мусора затвор опускается, и открывается туннель, по которому грязная вода и всякая дрянь уносятся к противоположному берегу, туда, где продолжается ручей. Грязь сбрасывается обратно в дальнюю часть ручья и несетя вместе с водой до самой реки, как и было задумано богом. А пруд остается чистым.

В голосе отца слышалось уважение:

– Видишь ли, Сера, ты можешь принять все так, как оно есть. А можешь внести свои поправки и сделать что-то лучше, чем было.

И Серафине тогда подумалось, что и ее папаша, и мистер Олмстед относятся к тем людям, которые стараются сделать лучше, чем было.

Пока Серафина вспоминала, Брэден подошел к заграждению и, склонившись, осветил его внутренность фонарем. Ручей бежал быстрым, ровным потоком, в котором было много дождевой воды, но, поскольку мусора в ней оказалось мало, затвор не опустился, и ручей бежал прямо в пруд.

Брэден принялся кидать в металлическую корзину палки и ветки.

– А это еще зачем? – спросила Серафина.

Корзина наполнилась, и затвор медленно опустился. Схватив фонарь и лопату, Брэден забрался в туннель.

– Брэден! – изумленно воскликнула Серафина.

Она была готова лезть куда угодно, только не в туннель, расположенный под прудом и под землей. Спасибо, ее уже похоронили один раз, и у нее не было никакого желания хоронить себя снова, да еще, возможно, и утопиться вдобавок.

Но Брэден уже скрылся в туннеле, не оставив ей выбора. Она не понимала причины его безрассудства, но и отпустить одного в этот ужасный желоб тоже не могла.

Набрав в грудь побольше воздуха, Серафина полезла вслед за другом.

Глава 14

Следуя за фонариком Брэдена, Серафина пробиралась по туннелю. Это был узкий кирпичный лаз с низким сводом. Под ногами бежал узкий ручеек. Сначала туннель был достаточно высок, чтобы они с Брэденом могли идти выпрямившись во весь рост. Но, чем дальше они шли, тем ниже и уже становился лаз.

Серафине совершенно не нравилось это место, но что бесило ее больше всего, так это вода, капающая с потолка ей на затылок, отчего по телу пробегала дрожь. Серафину пугали темные ручейки, змеящиеся по черным, скользким, покрытым плесенью стенам. В воздухе висел тяжелый запах гниющей воды. Без сомнения, они с Брэденом шли сейчас под водами пруда.

Туннель опускался все глубже, и Серафина отчетливо ощущала, что воздух сырой и холодный, стены – липкие, а под ногами у нее плещется, постепенно поднимаясь, дождевая вода. Она не понимала, реальные это ощущения или только кажущиеся, но чувствовала все так остро, словно сама была и частицей воды, и частицей камней – частицей всего, из чего сотворен мир.

Вода в туннеле поднялась до щиколоток. Брэден не запер затвор, и в желоб хлынул ручей. Непонятно было, что Брэдену понадобилось в туннеле, но еще непонятнее, почему он

отправился туда ночью, в грозу, да еще пустил за собой воду. Почему это для него так важно?

Крак!

Серафина от неожиданности плюхнулась в воду, да еще и глотнула немного.

Крак!

Металл ударял по кирпичной кладке. Потом послышались скребущиеся звуки. Серафина поднялась на ноги и, хлопая по воде, пробралась к Брэдену. Поставив фонарь на маленький выступ, чтобы свет падал сверху, мальчик проделывал отверстие в полу туннеля. Он подцепил кирпич кончиком лопаты, вытащил его из воды, отложил в сторону. Затем взялся за лопату и принялся расшатывать следующий кирпич. Вода поднялась на шесть дюймов, но Брэден продолжал выковыривать из пола кирпич за кирпичом! Его ногу сковывал каркас, но он упорно трудился и вскоре вынул двенадцать кирпичей. Затем опустил руку в темную воду и достал металлическую коробку.

– Так у тебя там тайник! – удивилась Серафина.

Вода прибывала с каждой секундой, и Брэден наконец понял, что он в опасности. Серафина думала, что теперь, получив то, что искал, друг повернется и пойдет обратно ко входу в туннель. Но Брэден поступил иначе. Бросив фонарь и лопату, он крепко сжал коробку и пошел дальше в сужающуюся темноту.

– Куда тебя теперь несет, сумасшедший мальчишка? – по-

звала вслед Серафина, пытаюсь перекричать шум воды. – Нам надо возвращаться назад!

Но он не обращал внимания. Постепенно потолок так опустился, что они больше не могли идти выпрямившись. Сначала пришлось согнуться в три погибели, потом опуститься на колени, а после этого встать на четвереньки. Металлические шарниры каркаса скрипели и ездил под давлением согнутой ноги. А вода поднималась все выше. Течение толкало Серафину, плескалось у самого подбородка, доплескивало чуть ли не до потолка, закручивалось вокруг шеи и плеч, мешая дышать.

Ползущей Серафине казалось, что вода не просто поднимается, но тянет ее, трется о ее тело, стаскивает с нее кожу, дергает за косточки. Очень скоро она разорвется на множество капель, рассеянных в водах ручья.

«Держись, – твердила себе Серафина, стискивая зубы. – Не сдавайся!»

Брэдэн полз все быстрее и быстрее, проталкиваясь в потоке, задирая голову к потолку, чтобы глотнуть воздуха, но не выпускал из рук металлическую коробку.

Внезапно сзади нахлынула и ударила волна, несущая целый ворох сломанных ветвей. Туннель полностью наполнился водой. Призрак или нет, но Серафина плотно сжала губы и затаила дыхание, отказываясь умирать. Она пыталась прижаться к скользким стенам, чтобы не дать воде утащить себя. Она должна была удержаться! Но куда там! Стремительный

поток ударил ее, оторвал пальцы от стены и поволок, швыряя и крутя, вместе с собой.

Глава 15

Дождевой поток волок Серафину, ударяя ее о сузившиеся стены туннеля. Течение крутило и разбрасывало в стороны ее руки и ноги. Было похоже, что она не утонет, а, скорее, растеряет частицы своей души, которые унесутся вместе с бурным потоком.

В конце концов туннель выплюнул ее прямо в разбухший ручей. Серафина тут же всплыла, ловя ртом воздух, и вскочила на ноги. Лихорадочно ощутив себя, девочка с величайшим облегчением убедилась, что все на месте. Она еще не распалась на элементы. Ей снова удалось отбиться.

Брэден лежал на берегу ручья под потоками проливного дождя.

Он ослабел и тяжело дышал, но при этом продолжал стискивать металлическую коробку, как будто от нее зависела его жизнь.

Серафина выбралась на каменистый бережок и растерянно оглянулась, пытаясь понять, где она. Прошло несколько секунд, прежде чем девочка поняла, что они с Брэденом очутились в узком овраге.

Когда вода мощным потоком помчалась по туннелю, Брэден решил, что следует спастись через выход, не стоит возвращаться назад против течения. Это решение спасло ему жизнь. И Серафине, возможно, тоже, – если то, за что она

так упорно цеплялась, действительно было жизнью.

Поняв, что они оба спаслись, Серафина облегченно улыбнулась. Сквозь стену дождя ей было видно, как вода разлившегося пруда перехлестывает через запруду и водопадом устремляется в ручей.

Серафина снова обернулась к Брэдену, и в этот миг сверкнула молния, а за ней ударил гром. Брэден стиснул челюсти, убрал мокрые волосы с глаз и приподнялся. Стало ясно, что он тоже не собирается сдаваться. Встав коленями на камни у кромки у разлившегося ручья, мальчик открыл металлическую коробку. Серафина не догадывалась, что внутри, но, едва приподнялась крышка, она сразу вспомнила этот бездонный мрак и испуганно попятилась. А Брэден достал из коробки длинное черное одеяние: с одной стороны – тонкая черная шерсть, с другой – подбивка из черного атласа.

Желудок Серафины сжался от спазма. Ее затошнило.

Одеяние было сильно изорвано, кое-где висели одни нитки, как будто его драли дикие звери. Снова ослепительно ярко вспыхнула молния, и в ее свете сверкнула маленькая серебряная пряжка.

У Серафины вспотели ладони. Губы плотно сжались. Дождь струился по ее лицу.

Как только Брэден взял одеяние в руки, оно задвигалось и застучало, словно живая змея. От змеи с шипением отделилось облачко, словно тварь злилась, что так долго лежала запертая в коробке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.